

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Конфликт в Чечне: анализ практики Европейского Суда по правам человека

Филип Лич*

Взаимодействию России с международными органами по защите прав человека посвящено немало работ, однако подобного рода исследований в связи с ситуацией в Чеченской Республике явно не достаточно. Отличительной особенностью данной статьи является системный и взвешенный подход к событиям, происходившим на Северном Кавказе, и анализ оценок, данных этим событиям мировым сообществом, в первую очередь Европейским Судом по правам человека.

→ *Нарушения прав человека; антитеррористическая операция; внесудебные казни; право на жизнь; европейская Конвенция*

Введение

Международные органы по правам человека, осуществлявшие надзор в отношении конфликта в Чечне, столкнулись с такими препятствиями, как отсутствие доступа к документам и недостаточное сотрудничество со стороны российских властей. Например, Комитет по предупреждению пыток (КПП) Совета Европы сделал три публичных заявления по Чечне, к чему он прибегает только в случаях, когда государство перестает сотрудничать или отказывается исправлять ситуацию в свете рекомендаций Комитета¹. В 2007 году Комитет сообщил о твердом отказе российских властей от взаимодействия по основным вопросам. Ряду органов, осуществляющих специальные процедуры ООН, таким как специальные докладчики ООН по пыткам и по внесудебным, массовым и произвольным

казням, не было позволено посетить Чечню и представить отчеты². Мандат Группы действия ОБСЕ в Чечне не возобновлялся российскими властями с конца 2002 года.

Тем не менее серьезность и масштабы нарушений прав человека были хорошо доказаны. Комитет ООН против пыток зафиксировал заслуживающие доверия сообщения о пытках в неофициальных местах заключения на Северном Кавказе³. В 2007 году КПП установил, что сотрудники правоохранительных органов и служб безопасности прибегают к пыткам, а также отметил общую обстановку безнаказанности. Факты исчезновений в Чечне были признаны Рабочей группой ООН по насильственным или недобровольным исчезновениям одновременно «широко распространенными и систематическими»⁴. По оценкам организаций по правам человека, в период с 1999 года в Чечне имело место от 3 000 до 5 000 случаев исчезновения людей⁵.

Российская Федерация более десяти лет связана обязательствами европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, однако первые постановления Европейского Суда по правам человека, относящиеся ко второму чеченскому конфликту (который начался в 1999 году), не были опубли-

* Leach P. The Chechen Conflict: Analysing the Oversight of the European Court of Human Rights // European Human Rights Law Review. 2008. No. 6. P. 732–762.

Как директор Европейского центра защиты прав человека (European Human Rights Advocacy Centre) автор представлял заявителей по ряду дел, рассматриваемых в настоящей статье.

кованы до 2005 года. Только теперь достаточно число дел, рассмотренных Судом, дает нам возможность понять, каковы судебные перспективы в отношении ситуации с правами человека в этом регионе. В настоящей статье рассматривается вклад Европейского Суда по правам человека в международный надзор за ситуацией в Чечне путем изучения его судебной практики и обзора последствий его решений.

Конфликт в Чечне: контекст и применимые правовые рамки

Второй вооруженный конфликт в Чечне начался в сентябре 1999 года (первый закончился в 1996 году). Общеизвестно, что во время конфликта и федеральные силы, и чеченские боевики серьезно нарушали права человека. Дела, представленные на рассмотрение в Европейский Суд по правам человека, отражают различные аспекты конфликта, в том числе применение федеральными силами бомбардировок и артиллерийских обстрелов (в особенности в 1999–2000 годах), распространную тактику осуществления крупномасштабных зачисток (с повальными обысками), в результате которых якобы при поиске боевиков большое число гражданских лиц было арестовано или убито, а также более адресные операции, при которых людей силой уводили из собственных домов.

Суд в общих чертах признал право России реагировать на конфликтную ситуацию, соглашаясь, «что ситуация, сложившаяся в Чечне в настоящее время, требует от государства исключительных мер в целях восстановления контроля над Республикой и подавления незаконного вооруженного сопротивления»⁶.

Россия рассматривает конфликт как «антитеррористическую операцию». В Чечне не было введено ни чрезвычайное, ни военное положение, и не было заявлено об отступлении от обязательств в соответствии со статьей 15 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В результате Европейский Суд посчитал, что он должен оценивать боевые действия (включая воздушные бомбардировки и артиллерийские обстрелы) на основании «нормального правового регулирования»⁷.

В ситуации такого вооруженного конфликта, как в Чечне, одновременно применяются нормы как международного права прав человека, так и международного гуманитарного права. Для целей международного гуманитарного права конфликт может быть охарактеризован как вооруженный конфликт немеждународного характера⁸. По-видимому, не желая вдаваться в вопросы взаимодополняемости международного права прав человека и международного гуманитарного права, Европейский Суд в делах по Чечне тщательно избегал каких-либо явных ссылок на гуманитарное право, несмотря на то что в отдельных случаях, например в деле Исаевой, Юсуповой и Базаевой, и заявители, и третья сторона — организация «Rights International» — полагались именно на нормы и принципы гуманитарного права. Уильям Абреш утверждал, что подход Суда, расценивающего вооруженные конфликты как правоохранительные операции, «может оказаться лучшей защитой для жертв и политически более жизнеспособным, нежели подход гуманитарного права»⁹. В любом случае необходимо признать, что в мотивировочной части по этому делу, а также по делу Исаевой Европейский Суд затронул *концепции* гуманитарного права, в том числе необходимость проведения военных операций способом, минимизирующим случайные потери среди гражданского населения, и запрет на использование оружия неизбирательного действия¹⁰.

Обзор судебных постановлений по Чечне

В настоящей статье сделана попытка проанализировать постановления Европейского Суда, вынесенные в период с февраля 2005 года (когда были опубликованы первые три постановления, касающиеся Чечни) по июль 2008 года. В этот период Суд опубликовал 37 постановлений по делам, жалобы по которым были поданы между 2000 и 2004 годами (их перечень приведен в приложении). Большинство этих дел касается событий 2000 года (22 постановления)¹¹. В основном они были рассмотрены Первой секцией Суда¹², присвоившей им приоритетный статус¹³. Несколько дел свидетельствуют о массовых убийствах гражданского населения в Старопромысловском районе Грозного в январе 2000 года¹⁴ и

в Новых Алдах в феврале 2000 года¹⁵, а также о похищениях из села Новые Атаги в июне 2002 года¹⁶.

Почти две трети заявителей — женщины¹⁷. В большинстве дел, касающихся убийств или исчезновений, заявители подавали жалобы от имени членов своих семей, 80 процентов которых составляли мужчины¹⁸. Несколько заявителей жили за пределами России, попросив убежища¹⁹. В 35 случаях заявителей представляли неправительственные организации: либо Правовая инициатива по России²⁰, либо партнерство, созданное ПЦ «Мемориал» (в России) и Европейским центром защиты прав человека (ЕНРАС) (в Лондоне)²¹.

Было установлено, что в каждом из 37 дел имело место нарушение по крайней мере двух положений европейской Конвенции. В 34 из 37 дел предметом рассмотрения являлось право на жизнь (ст. 2): 30 дел касались похищений и/или казней без суда; два дела — нападений (воздушных и/или артиллерийских бомбардировок)²²; и два дела — расстрелов, в результате которых жертвы остались в живых²³. По всем 34 делам право на жизнь было признано нарушенным, и по всем, за исключением одного²⁴, Суд признал, что российские власти несут непосредственную ответственность и за саму гибель (или предполагаемую гибель), и за нарушение статьи 2 в связи с неудовлетворительным расследованием дела.

В более чем двух третях дел, касающихся исчезновений, жертв похищали из собственных домов (в остальных случаях они пропадали после якобы задержания на блокпостах или еще где-либо). В данных случаях прослеживается четкая схема. Большая группа вооруженных людей (до 50 человек) входит в дом, обычно ночью или ранним утром (а иногда даже открыто, при дневном свете). Они одеты в военную камуфляжную форму, но никак себя не индивидуализируют (некоторые носят маски с прорезями). Часто отмечают, что у них славянские черты лица и что они говорят на русском языке без акцента. Они проверяют у жильцов документы, удостоверяющие личность, обыскивают их и дом. Часто применяется насилие и отбирается имущество. Они не предъявляют никаких документов и не объясняют причин задержания. Они также не дают никакой информации о том, куда уводят жертв или когда они будут

освобождены. Общаются они по радио, перемещаются часто на бронетранспортерах, иногда их сопровождают вертолеты. Обычно для того, чтобы попасть к необходимому дому и обратно, им приходится проходить через милитаризованные блокпосты (ночью, во время комендантского часа). Семьи незамедлительно предпринимают различные шаги для связи с местными властями, но не получают никакой информации.

В пяти случаях тела жертв были впоследствии обнаружены, но в девятнадцати других они так и не были найдены. Обычной ответной мерой властей было не отрицание того, что жертвы были действительно похищены, а заявления, что ответственность несут неустановленные вооруженные лица и что установить причастность кого-либо из представителей государства не представляется возможным или (в случаях, когда тела не были обнаружены) что жертвы мертвы.

Полное отрицание какой бы то ни было ответственности государства стало нормой для дел по Чечне. По небольшому числу дел власти сделали предположение, что преступники могли быть членами вооруженных формирований. Однако подобные аргументы были отклонены Судом как неопределенные и необоснованные²⁵. Таким было обоснование, предложенное в деле Хашиева и Акаевой об убийстве в Грозном в январе 2000 года родственников заявителей. Властями был предложен ряд альтернативных вариантов (ни один из которых не убедил Суд): что родственники могли быть убиты чеченскими боевиками в отместку за то, что не присоединились к их силам; что они были убиты грабителями; было заявлено, что утверждение о возможной казни родственников заявителей российскими военными может быть частью пропаганды войны, ведущейся чеченскими вооруженными формированиями; или что они могли принимать участие в противостоянии с федеральными силами и были убиты в бою. Только по делу Зубайраева Суд принял во внимание реальную возможность того, что могут быть ответственны повстанцы (мотивировка Суда об отсутствии нарушения материального обязательства по статье 2 в данном деле рассматривается далее).

Более того, только в небольшом числе дел встречалось какое бы то ни было упоминание о заключенном, содержащемся под стра-

жей и подозреваемом в совершении преступления. В деле Ахмадовой и Садулаевой власти отрицали свою ответственность за исчезновение Шамиля Ахмадова, хотя и утверждали при этом, что ему было предъявлено обвинение в хранении запрещенных наркотических веществ, в связи с чем он скрывался от правосудия. В деле Базоркиной власти не отрицали, что Хаджи-Мурат Яндиев был задержан в ходе контртеррористической операции в селе Алхан-Кала. Тем не менее ответственность за его исчезновение отрицалась. Правительство сообщило, что в отношении Хаджи-Мурата Яндиева военным прокурором было возбуждено уголовное дело об участии в незаконном вооруженном формировании. Согласно утверждениям Правительства, факт смерти Яндиева не был установлен, и у него были серьезные основания скрываться. В ходе внутригосударственного расследования предполагаемого исчезновения Аюбхана Магомадова было установлено, что он был задержан по подозрению в совершении серьезного преступления. Утверждалось также, что он был освобожден на следующий день и что никакие обвинения в отношении него никогда не выдвигались²⁶. Братья-заявители по делу Читаева и Читаева обвинялись в похищениях российских военнослужащих и участии в незаконных вооруженных формированиях. Впоследствии, однако, обвинения были сняты (производство по делу несколько раз прекращалось и возобновлялось).

Нарушение статьи 3 (запрет пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения) имело место в 26 из 37 дел, в двух из них жестокое обращение по своему уровню было признано равносильным пытке²⁷. Суд признал, что статья 5 (право на свободу и личную неприкосновенность) была нарушена в 24 делах, отметив, что имевшие место задержания не были ни зарегистрированы властями, ни даже признаны, и повторил принцип, впервые сформулированный им в делах против Турции, согласно которому непризнанное задержание человека представляет собой «полное отрицание» гарантий, предусмотренных статьей 5, и является «очень серьезным нарушением»²⁸. Это, соответственно, «позволяет тем, кто несет ответственность за лишение свободы, скрывать свою причастность к преступлению, замечать следы и избегать ответственности за смерть за-

держанного»²⁹. Имели место факты требования (а иногда и уплаты) выкупа за тех, кто был похищен³⁰.

Два конкретных места содержания под стражей упоминаются в подавляющем большинстве дел. По 13 делам есть определенные свидетельства о том, что задержанные находились на федеральной военной базе в Ханкале³¹. И по делу Ахмадовой и Садулаевой, и по делу Лулуева тела пропавших людей были впоследствии найдены в местах массовых захоронений недалеко от базы в Ханкале. Также установлено, что некоторых содержали в неофициальном «следственном изоляторе» в Чернокозове³². Суд был особенно возмущен отсутствием какого-либо официального юридического статуса места заключения в Чернокозове, посчитав «невероятным, что в государстве, подчиненном верховенству права, человек может быть лишен свободы в месте заключения, которое в течение более чем значительного периода оставалось вне сферы ответственности какого-либо уполномоченного института государства. Такое положение благоприятствует безнаказанности за любые злоупотребления и абсолютно несовместимо с ответственным отношением властей к людям, находящимся под их контролем»³³.

По нескольким делам были представлены снятые на видеопленку свидетельства того, что люди находились в распоряжении государства по крайней мере какое-то время³⁴. Заявительница Базоркина опиралась на видеofilm, снятый репортером для НТВ и CNN, в котором был показан ее сын, находившийся под конвоем солдат, и была запись слов полковника³⁵ Александра Баранова, говорившего: «Уберите его, черт возьми, кончайте его на... Это приказ. Уберите его отсюда, черт возьми. Давайте, давайте, давайте, выполняйте, уведите его, кончайте его, пристрелите его, черт возьми»³⁶.

Нарушение права на эффективное средство правовой защиты (ст. 13) имело место в 35 делах. Согласно устоявшейся судебной практике по Конвенции, чтобы применительно к праву на жизнь национальное средство правовой защиты считалось соответствующим критериям, изложенным в статье 13, оно должно предусматривать «полное и эффективное расследование, способное привести к установлению и наказанию виновных»³⁷. Положения о фактическом доступе заявите-

ля к процедуре расследования и о выплате компенсации также могут иметь отношение к делу. В делах по Чечне заявления о нарушении статьи 13 были сделаны на основании многочисленных выводов о полной неадекватности внутригосударственных расследований по уголовным делам, которая вследствие этого подрывала любые гражданско-правовые средства защиты (данная проблема рассматривается далее в настоящей статье).

В 15 из вынесенных постановлений было указано, что Российская Федерация не сотрудничала с Судом при рассмотрении дел, тем самым нарушая подпункт «а» пункта 1 статьи 38 Конвенции, не представляя полностью или частично материалы внутригосударственных дел. Однако ни в одном из постановлений не было признано нарушение обязательств Правительства не препятствовать эффективному осуществлению права на подачу жалобы в Суд (ст. 34). Это в некоторой степени удивительно — с учетом того, что серьезные проблемы, связанные с запугиванием заявителей по «чеченским» делам, были зафиксированы другими органами Совета Европы³⁸. После убийства Зуры Битиевой (чье дело находилось на рассмотрении Суда) и трех членов ее семьи в мае 2003 года Суд обратился к процедуре «временных мер» (в соответствии с правилом 39 Регламента Суда) и предложил российскому Правительству принять все меры для того, чтобы обеспечить отсутствие каких-либо препятствий в эффективном осуществлении права на подачу индивидуальной жалобы вторым заявителем (дочерью Зуры Битиевой)³⁹.

Ни в одном из дел Суд не выявил нарушения запрета дискриминации (ст. 14): заявители не смогли представить доказательства, свидетельствующие о том, что с ними без каких-либо объективных и разумных оснований обращались не так, как с другими людьми в аналогичных ситуациях⁴⁰.

Применение критериев приемлемости жалоб, подаваемых в Европейский Суд

Одним из условий приемлемости, на которое неоднократно, но в конечном счете практически безрезультатно указывало по чеченским делам российское Правительство, является требование исчерпания внутригосударствен-

ных эффективных средств правовой защиты. За более чем трехлетний период принятия решений в контексте конфликта в Чеченской Республике Европейский Суд сформировал достаточно четкое и устойчивое мнение, что ни гражданско-правовые, ни уголовные внутренние средства правовой защиты на практике оказываются не способными обеспечить эффективное восстановление в правах в отношении случаев вопиющих нарушений прав человека представителями государства в Чечне. Ряд касающихся Чечни дел — пример того, как Суду пришлось давать оценку, являются ли заявленные средства защиты в национальной системе действительно доступными, достаточными и эффективными и, с учетом общей обстановки (в рамках государства или региона) и конкретной ситуации каждого из заявителей, предпринимал ли данный заявитель все меры в пределах разумного для того, чтобы исчерпать внутренние средства правовой защиты.

Вопрос адекватности или эффективности уголовного судопроизводства решался не на стадии оценки приемлемости, а на стадии рассмотрения дела по существу (в качестве аспекта материального права на жизнь или запрета пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения). Как мы увидим позднее, результаты оценки Европейским Судом полноты уголовного расследования были ошеломляющими: из 37 дел 36 касались статьи 2 и/или статьи 3, и в каждом из этих 36 дел Суд пришел к выводу о нарушении Конвенции в связи с неэффективностью внутригосударственного расследования.

Что касается дел об исчезновениях в Чечне, то Суд был готов принимать во внимание неэффективность любого обращения в судебные органы страны, так как их официальным ответом была стена молчания. Дело Исиговой и других касалось похищения и непризнанного задержания двух родственников заявителя во время «зачистки», проводившейся федеральными силами (включая Министерство внутренних дел) в селе Серноводск в Чечне в июле 2001 года. Семья активно пыталась установить местонахождение пропавших мужчин путем обращения в различные официальные органы, которые отрицали свою ответственность, в связи с чем Суд смог сделать следующий вывод: «В таких обстоятельствах и, в частности, в отсутствие каких-

либо доказательств, подтверждающих сам факт задержания, даже принимая во внимание, что средства защиты, на которые ссылается Правительство, были доступны заявителям, непонятно, имела ли бы жалоба в суд на непризнанное задержание родственников заявителей властями хоть какой-то шанс на успех. Более того, Правительство не доказало, что указанное им средство защиты способно было привести к восстановлению прав в ситуации заявителей, а именно что оно привело бы к освобождению Апти Исигова и Зелимхана Умханова, к установлению и наказанию виновных»⁴¹.

В качестве одного не имевшего успеха аргумента Правительство заявляло, что существовала возможность возбудить судебное дело за пределами Чечни, в других регионах России, или в Верховном Суде России. И в самом деле, в ряде случаев Правительство представило в Европейский Суд копии писем из некоторых вышестоящих российских судов, подтверждающих, что заявители не подавали туда подобных заявлений. В таких обстоятельствах бремя доказывания ложится на Правительство, которое должно показать, что любое такое «средство правовой защиты» было доступно и эффективно на практике, — бремя, которого, как оказалось, Правительство не смогло вынести (в частности, в контексте нежелания властей предоставить какую бы то ни было информацию о задержанных людях или хотя бы признать такое задержание в любой момент)⁴². В деле Мусавей и других два заявителя возбудили дело за пределами Чечни — в Басманном районном суде Москвы, требуя от Министерства финансов компенсации за вред, причиненный в результате незаконного задержания своих сыновей. Но районный суд не нашел причинной связи между потерей заявителями своих сыновей и ответственностью представителей государства⁴³.

И даже если в каких-то редких случаях гражданское производство фактически заканчивалось уплатой компенсации пострадавшему заявителю, Суд занимает принципиальную позицию, считая, что гражданский иск сам по себе не может служить эффективным средством правовой защиты для заявителей, ссылающихся на нарушение статьи 2. Отчасти это связано с тем, что исход любого гражданского дела зависит от информации,

полученной в ходе уголовного расследования, а такое расследование, как показано далее, часто являлось предметом разгромной критики со стороны Суда. Гражданские суды в России не могут проводить никаких независимых расследований и не могут делать выводы, касающиеся установления виновных. Это особенно важно в связи с тем, что статьи 2 и 3 совместно с обязательством предоставления эффективного средства правовой защиты согласно статье 13 требуют от государств обеспечения того, чтобы расследования имели результатом как установление, так и наказание виновного, кто бы им ни был.

Недостаточность гражданского средства правовой защиты была отмечена в деле Хашиева и Акаевой, одном из первых трех «чеченских» процессов, в феврале 2005 года. В этом деле один из заявителей, Магомед Хашиев (ингуш по национальности), обнаружил тела брата, сестры и двух племянников в Старопромысловском районе Грозного в январе и феврале 2000 года. На телах были многочисленные колотые и огнестрельные раны; у одного был разбит череп и отрезаны пальцы. Европейский Суд признал, что ответственность за убийства несут российские военнослужащие. В феврале 2003 года Хашиев с успехом подал в Назрановский районный суд (в соседней Республике Ингушетия) гражданский иск против Министерства финансов и получил решение о возмещении вреда (675 000 рублей — эквивалент приблизительно 13 250 фунтов стерлингов)⁴⁴. Районный суд признал «общезвестным» фактом то, что российские вооруженные силы контролировали Старопромысловский район Грозного в начале 2000 года Суд не смог установить вину конкретного военного подразделения, но это и не было необходимо для принятия решения о возмещении государством вреда. Такой исход судебного процесса в районном суде не проходит в Европейском Суде проверку на эффективность: так как уголовное расследование убийства родственников Хашиева до сих пор «продолжается», а районный суд не может провести собственное расследование, в ходе гражданских слушаний не было установлено, кто осуществлял нападения. Гражданский иск, соответственно, был «не способен... обеспечить какие-либо значимые выводы» как в отношении личностей преступников, так и в отношении их вины⁴⁵.

Итак, с точки зрения оценки приемлемости, если ни гражданская, ни уголовная процедура не удовлетворяют установленным требованиям, какие шаги, если они вообще возможны, требовалось предпринять заявителям? В большинстве случаев (что вовсе не удивительно) реакция членов семей на задержание, похищение, гибель была быстрой, полной и, безусловно, чрезвычайно смелой. Часто в течение считанных часов члены семей сами шли в местную прокуратуру и пытались добиться ответа и от военных, и от служб безопасности, в том числе ФСБ, и от милиции. За этим следовала цепочка визитов, писем и ходатайств в различные ведомства местного, регионального и федерального уровня.

С другой стороны, если такой реакции не следовало, как это могло повлиять на толкование Судом критериев приемлемости? В одном деле, касавшемся внесудебных казней, которые в январе 2000 года проводили вооруженные силы в Старопромысловском районе Грозного, Елена Гончарук описала, как она пряталась в подвале дома с пятью другими людьми. Военнослужащие приказали им покинуть подвал и сказали, что у них есть приказ убить всех в городе. Их отправили обратно в подвал, а затем пустили туда слезоточивый газ и, когда они выбирались наружу, их расстреливали. Елена Гончарук была ранена, но чудом выжила (другие пять человек погибли). Сама она не подавала жалобы и не просила компенсации у властей, но это не имело решающего значения для оценки приемлемости по двум причинам. Во-первых, власти были другими способами уведомлены о произошедшем вскоре после того, как это случилось: организацией «Хьюман Райтс Вотч» (*Human Rights Watch*) было направлено письмо Генеральному прокурору со ссылкой на дело Гончарук, а один из родственников другой жертвы подал жалобу главному военному прокурору. Кроме того, было возбуждено уголовное дело (правда, только в сентябре 2003 года) в отношении убийства других людей. Особенно интересно, что Суд также принял во внимание закрепленную обязанность медицинских работников, лечивших Гончарук в больнице в Ингушетии, проинформировать местные правоохранительные органы о том, что имевшиеся у нее ранения, возможно, были причинены в результате преступления. В своем решении Суд ссылается не на тот факт,

что больничный персонал направил такое уведомление, а просто на то, что такая обязанность существовала. Во-вторых, Суд также принял во внимание реальное положение заявительницы после этого нападения в зоне конфликта: можно понять ее опасения и чувство уязвимости перед представителями государства, и поэтому для нее было вполне разумным ожидать начала расследования, несмотря на то что она не подавала собственного заявления⁴⁶.

Другой аргумент Правительства в отношении приемлемости «чеченских» жалоб был сфокусирован на намеренном неоспаривании решений, действий и бездействий органов, осуществлявших расследование. Однако Суд отклонил данное возражение в связи с недостатками самой процедуры расследования: так, если семьи не имели доступа к материалам дела и не получали информацию о ходе расследования, они были не в том положении, чтобы оспаривать то, что сделали или не сделали следователи. Такое положение сопровождалось фундаментальными недостатками в самих расследованиях, включая игнорирование основных следственных этапов, значительные периоды бездеятельности, повторяющиеся приостановления и возобновления расследования⁴⁷.

В самом деле, в тех немногих случаях, когда заявители возбуждали судебное разбирательство в отношении следователей, их усилия оказывались далеко не эффективными. Например, Руслан Умаров инициировал разбирательство в Старопромысловском районном суде Грозного в июне 2001 года по поводу неэффективного расследования исчезновения его сына (с мая 2000 года). По словам Умарова, два месяца спустя его вызвали в суд (который на самом деле находился в 100 км от Грозного), и судья попросил его забрать свое заявление в связи с тем, что он не указал имен или должностей лиц, на которых он жаловался. Четырьмя месяцами позднее он получил письмо от судьи с информацией, что по его запросу ходатайство было передано в «Новую газету», и с рекомендацией связаться с журналистом этого издания. Заявитель отрицает, что делал подобный запрос. Его последующие жалобы в Верховные суды Чечни и России остались без ответа.

Судебное разбирательство, инициированное родственниками Мусы Гайтаева, который

«исчез» в январе 2003 года, было немного более продуктивно, по крайней мере на начальном этапе. В их заявлении в Урус-Мартановский городской суд в феврале 2005 года говорилось о различных недостатках в ходе расследования, в частности о том, что не все члены семьи, соседи и военнослужащие были допрошены. Месяцем позже суд поддержал жалобу и отдал распоряжение районной прокуратуре провести тщательное расследование. Это решение в конце концов привело к возобновлению расследования, однако, как отметил Европейский Суд, фактически это не принесло никаких заметных результатов, так как данное дело, как и многие другие, с самого начала было несправедливо загублено ошибками и упущениями⁴⁸.

Что же касается жалоб на обыски и изъятие собственности в Чечне, то здесь Суд согласился с доводами Правительства о том, что соответствующие заявления могут и должны быть поданы во внутригосударственный суд⁴⁹. Заявление по делу Читаева включало жалобы на предполагаемые незаконные обыски в домах заявителей и изъятие собственности. В данном случае Европейский Суд был готов отказаться от требования о возбуждении судебного разбирательства в отношении периода времени с января по ноябрь 2000 года («вследствие полного расстройств функционирования судебной системы в Чечне»)⁵⁰ и даже в отношении периода после ареста заявителей, когда они находились на лечении, но не позднее.

Дело Медова, возможно, является хорошей иллюстрацией готовности Суда принимать во внимание существующую специфику ситуации в Чечне, которая может очень сильно отличаться от ситуации в других регионах России. Так, жалоба заявителя на жестокое обращение в печально известном центре содержания под стражей Чернокозово в Чечне была признана приемлемой, но Суд отклонил его жалобу о жестоком обращении за пределами Чечни (в следственных изоляторах в Пятигорске и Ставрополе) в связи с тем, что он не пытался оспорить в суде решение прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела по этим жалобам. Таким образом, Суд смог избежать рассмотрения доводов заявителя о существовании административной практики отсутствия расследования по жалобам на действия властей в самой Чечне⁵¹.

Установление фактов и доказывание в делах по Чечне: проблема непредоставления документов

По своему типу дела по Чечне касаются только фактов — в конце концов, исход жалобы о похищении или исчезновении члена семьи, например, зависит не от мудреного пункта Конвенции, а от имеющихся в распоряжении доказательств.

Отправной точкой для Суда является его стандарт доказывания (которому должны удовлетворять жалобы заявителя) «за пределами разумных сомнений». По делам, в которых изначально было мало доказательств (например, похищение, совершенное из чьего-то дома рано утром) и в которых государственные власти, вероятно, являются единственными обладателями существующих доказательств, для заявителя это может оказаться слишком сложной для покорения вершиной. Такое положение усугубляется отказом Правительства предоставить существенную часть следственных материалов.

Повторяющейся и чрезвычайно печальной чертой «чеченских» дел является также отказ Правительства от предоставления Суду копий документов из внутригосударственных судебных дел, несмотря на повторяющиеся запросы со стороны Суда. В 28 из 37 дел имело место то, что можно описать как значительный уровень нераскрытия (по еще пяти делам — определенная степень нераскрытия).

По ряду из указанных дел Суд смог точно определить тот объем материалов, которые не были ему представлены. По делу Хамилы Исаевой никаких материалов вообще представлено не было. По некоторым делам Суд отметил, что Правительство не представило копии большинства документов из материалов дела (или те документы, на которые оно ссылалось)⁵². По делу Байсаевой было представлено только около трети от всего объема материалов дела. По делу Мусаевой и других было предоставлено только 47 страниц (39 документов) из по крайней мере 423⁵³. В отдельных случаях представленные документы были очень низкого качества и с практически неразборчивым текстом⁵⁴.

По ряду дел сама природа удержанных документов очевидна (хотя, конечно, не по всем). Например, Правительству свойствен-

но в своих объяснениях ссылаться на определенные свидетельские показания, не раскрываемые Суду⁵⁵. Так, в деле Байсаевой Правительство ссылается на свидетельские показания 65 военнослужащих, ни одно из которых не раскрывается. По делу Битиевой и Х Суд отметил, что не было раскрыто много важных документов: свидетельские показания, заключения криминалистической и баллистической экспертиз, информация об осмотре места преступления, запросы о предоставлении информации и ответы, касающиеся предполагаемого участия вооруженных сил или сил безопасности в рассматриваемых убийствах.

Основной упор в доводах Правительства при попытках обосновать непредоставление или выборочное предоставление документов Суду делался на то, что документы содержат государственную или военную тайну, информацию о расположении военных сил или сил специального назначения, сведения об офицерах, принимавших участие в антитеррористических операциях, и другую информацию о свидетелях. Указанные заявления не были конкретизированы или еще каким-либо образом обоснованы. В деле Имакаевой было более конкретное заявление Правительства о том, что определенные документы классифицируются как секретные (в соответствии с п. 4 ст. 5 Закона РФ «О государственной тайне»⁵⁶), так как они содержат информацию, полученную в результате секретных операций.

По некоторым делам Правительство заявляло о неотносимости определенных документов к делу, что заставило Суд напомнить, что «вопрос о том, имеют ли определенные документы отношение к делу или нет, не может быть в одностороннем порядке решен государством-ответчиком»⁵⁷. В деле Атабаевой и других Правительство в качестве оправдания приводило аргумент, что материалы дела были уничтожены во время пожара, возникшего в результате нападения боевиков на здание, в котором располагалась прокуратура.

В 25 из 37 дел Правительство пыталось обосновать свой отказ от предоставления документов, ссылаясь на внутригосударственное законодательство — статью 161 Уголовно-процессуального кодекса. Утверждалось, что указанное положение запрещает разглашение данных предварительного расследо-

вания: согласно пункту 3 статьи 161 данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя, дознавателя (и только в том объеме, в каком это не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и не вредит расследованию).

Наверное, еще более удивительно, что по ряду дел Правительство даже предложило предоставить делегации Суда доступ к материалам дела в России по месту проведения расследования. Однако эти предложения не распространялись на документы, содержащие военную информацию или персональные данные о свидетелях, и делегации не было бы позволено снимать копии или передавать информацию иным лицам⁵⁸.

Суд занял твердую позицию, отклоняя ссылки Правительства на статью 161 Уголовно-процессуального кодекса, которая, как он вполне корректно отметил, по существу не запрещает раскрытие документов, касающихся предварительного расследования, а только предусматривает процедуру такого раскрытия и устанавливает его пределы⁵⁹. И в самом деле, статья 161 прямо предоставляет следственным органам полномочия решать вопрос о раскрытии информации по своему усмотрению. Правительство также подверглось критике за то, что не определило природу документов, предположительно не подлежащих раскрытию, и не указало причины их непредоставления. Также была отмечена явно непоследовательная позиция Правительства, так как по некоторым «чеченским» делам оно в значительной степени представляло документы без всяких ссылок на Уголовно-процессуальный кодекс⁶⁰. Суд также часто отмечал, что российские власти не заявляли ходатайство о применении пункта 2 правила 33 Регламента Суда в целях ограничения доступа широкой публики к документу (или к части документа)⁶¹.

Реакция Суда на данную ситуацию была двойственной: рассматривать, можно ли сделать какой-либо вывод из отказа раскрыть информацию, или решать, нарушило ли тем самым Правительство саму Конвенцию. Так, в 15 делах Суд установил прямое нарушение Конвенции в результате нераскрытия материалов дела на том основании, что российское Правительство не выполнило свое обя-

зательство, предусмотренное подпунктом «а» пункта 1 статьи 38 Конвенции, по «созданию всех необходимых условий» для того, чтобы обеспечить эффективное рассмотрение дела Судом. Тем самым Суд обратил внимание на то, что в определенных ситуациях только у государственных властей есть доступ к потенциально важным документам, и если власти отказываются раскрыть эти документы, то способность Суда разрешить дело может сильно пострадать. В самых очевидных делах суд одновременно делает определенные выводы из факта нераскрытия информации и устанавливает нарушение подпункта «а» пункта 1 статьи 38. Однако пока нет признаков того, что Суд готов пересмотреть и увеличить размер присуждаемой компенсации из-за неразглашения информации, к чему призывают некоторые обозреватели⁶².

Так, в деле Хашиева и Акаевой при рассмотрении вопроса о праве на жизнь Суд посчитал, что он вправе сам сделать выводы в отношении обоснованности утверждений заявителя в связи с непредставлением Правительством около трети материалов уголовного дела без достаточного основания. Однако при этом он не пришел к заключению о нарушении статьи 38, так как значительная часть материалов *была* представлена. Трудно (если не невозможно) понять из постановлений, как и какие именно делаются выводы. Пока что ясно, что при определенных обстоятельствах нераскрытие приводит к смещению бремени доказывания. Критерий выражается следующим образом: «В случае, когда заявитель делает *prima facie* убедительное утверждение, а у Суда нет возможности сделать вывод на основе фактов из-за отсутствия запрошенных документов, на Правительство возлагается обязанность исчерпывающе аргументировать, почему данный документ не может быть предоставлен Суду для проверки утверждений заявителя, либо дать удовлетворительное и убедительное объяснение того, как именно произошли события, о которых идет речь»⁶³. Применяя этот тест в деле Мусаевой, Суд признал, что заявительница сделала *prima facie* убедительное утверждение о том, что ее сын был задержан российскими военнослужащими. Заявления Правительства об отсутствии достаточных доказательств причастности сил специального назначения к похищению не сняли (смещенного) бремени

доказывания. Таким образом, Суд смог заключить, что сын заявительницы был задержан военнослужащими во время непризнанной спецоперации, сделав выводы на основе непредставления документов (которыми обладали только власти) или каких-либо других убедительных объяснений. В деле Мусаевой Суд пошел дальше, придя к выводу о нарушении также подпункта «а» пункта 1 статьи 38. В одном из тех редких случаев, когда судьи не были единодушны по «чеченскому» делу, — в деле Тангиевой — судьи Ковлер и Хаджиев выразили свое несогласие с мнением большинства об ответственности государства за убийство родственников заявительницы в результате представления ею *prima facie* убедительного дела и выводов на основе непредставления Правительством документов или каких-либо других убедительных объяснений. Они возражали против того, что бремя доказывания было «переложено исключительно на Правительство».

В деле Лулуева и других до принятия решения о приемлемости было раскрыто только 17 из 368 документов, хотя Правительство и представляло впоследствии различные документы, специально запрашиваемые Судом. Тем не менее в связи с недостаточным раскрытием информации при оценке эффективности расследования, проведенного в связи с похищением и убийством Нуры Лулуевой, Суд сделал выводы из действий Правительства, предположив, что представленные документы «были отобраны таким образом, чтобы в наибольшей степени продемонстрировать эффективность данного расследования»⁶⁴.

Насколько существенной является проблема нераскрытия информации? На ее важность Суд очень ясно указал в деле Базоркиной: «По делу, в котором рассматриваются вопросы грубейших незаконных действий агентов государства, документы уголовного расследования являются основополагающими для установления фактов, и их отсутствие препятствует надлежащему рассмотрению жалобы как на стадии приемлемости, так и на стадии рассмотрения дела по существу»⁶⁵.

Необходимо признать, что по многим делам непредставление документов чрезвычайно затруднило задачу Суда по установлению того, что в действительности произошло. В деле Битиевой и Х Суд посчитал, что непред-

ставленные документы (в том числе показания свидетелей) имели решающее значение при проверке утверждения о причастности российских военнослужащих к убийству четырех членов семьи Битиевой⁶⁶. Приведем также следующий отрывок из более раннего дела Исаевой, Юсуповой и Базаевой, касающегося воздушной бомбардировки колонны гражданских машин, пытавшихся уехать из Грозного в октябре 1999 года: «Сразу необходимо отметить, что способность Суда оценить правомерность атаки, а также планирование и проведение операции сильно ограничена дефицитом предоставленной информации. Не был представлен ни план, ни информация относительно планирования операции, оценки возможных угроз и ограничений или иного оружия или тактики, которые были в распоряжении летчиков, когда они столкнулись с обстрелом с земли, на который ссылается Правительство. Следует особо отметить, что отсутствовали упоминания об оценке и предупреждении возможного вреда гражданскому населению, которое могло находиться на дороге или рядом с тем, что военные считали законными целями»⁶⁷.

В свете серьезных проблем нераскрытия информации может также показаться удивительным, что в 33 из 34 дел, затрагивающих статью 2, Суд смог сделать выводы как о процедурных, так и о материальных нарушениях права на жизнь: власти не провели надлежащее расследование происшествия, имеются достаточные доказательства для того, чтобы установить ответственность самих представителей государства за смерть (или предполагаемую смерть в ряде дел). В связи с этим, конечно, возможно определить, что Суд основывался на принципах, первоначально изложенных в отношении права на жизнь и запрета пыток, в частности, в делах по юго-востоку Турции и по Северной Ирландии, еще в большей степени полагаясь в «чеченских» делах на фактическую презумпцию и выводы, сделанные в связи с непредставлением Правительством информации, а также в связи с его неспособностью (а зачастую даже отсутствием попыток) опровергнуть утверждения заявителей или представить альтернативное убедительное объяснение произошедшего.

Обязанность правительств предоставлять объяснение в отношении причинения вреда здоровью заключенным, стала прочно уста-

новившимся элементом судебной практики по Конвенции (и эта обязанность еще более значительна в случае смерти или исчезновения человека)⁶⁸. Дополнительное применение данного принципа — возможность провести параллель с людьми, погибшими или ранеными в районах, находившихся под полным контролем государства, — первоначально появилось в делах по Турции. Так, теперь и к Чечне был применен принцип, который помог заявителям в деле Аккум против Турции доказать, что их родственники были убиты во время операции силами безопасности, когда они пасли своих животных в горах рядом с Диярбакыром. Однако существенным различием в рассмотрении Судом этих двух групп дел стало то, что в делах по Турции страсбургскими органами достаточно часто проводились расследования по установлению фактов, в то время как по «чеченским» делам до настоящего времени ни одной миссии по установлению фактов проведено не было. Так, в деле Аккума был лишь один очевидец — женщина, которая могла подтвердить, что жертв последний раз видели в руках солдат, однако в связи с тем, что представители Комиссии услышали ее показания из первых рук, Суд смог заключить, что то, что она говорит, является «в высшей степени убедительным»⁶⁹. В ситуации с Чечней у заявителей и свидетелей подобной возможности не было⁷⁰. В постановлении по делу Имакаевой Суд сам сослался на важное значение слушаний по установлению фактов в делах по Турции, сожалея об отказе российского Правительства предоставить «какие-либо документы, которые могли бы пролить свет на судьбу сына и мужа заявительницы», и обращая внимание на то, что он охарактеризовал как «очевидное отсутствие сотрудничества»⁷¹.

Тем не менее, несмотря на все эти реальные трудности, Суд был готов к более широкому применению критерия «контроля государства», признавая, например, что российские военнослужащие контролировали Старопромысловский район Грозного в январе 2000 года и, следовательно, несут ответственность за расстрел Хееди Махаури и Елены Гончарук. Факт контроля федеральных вооруженных сил над территориями Чеченской Республики в определенные периоды времени устанавливался посредством свидетельских показаний и документальных доказа-

тельств, указывающих на присутствие и деятельность вооруженных сил, — передвижение транспорта, наличие контрольно-пропускных пунктов и проведение «спецопераций».

Схемы развития событий имеют несомненную важность. Так, в деле Ахмадовой и Садулаевой Шамиль Ахмадов исчез в городе Аргун в марте 2001 года, тогда же пропали еще несколько человек. Тело Шамиля было найдено год спустя, но тела по крайней мере четверых других людей, задержанных в Аргуне в то же самое время (каждое из которых имело признаки насильственной смерти), были обнаружены на следующий день после задержания в охраняемой зоне в окрестностях воинской части. Исходя из этого, Суд установил, что «данные факты убедительно указывают на то, что смерть этих людей и их задержание являются частью одной и той же последовательности событий, и подтверждают предположение, что эти люди подверглись внесудебной казни, совершенной представителями государства»⁷².

В одном из 34 дел Суд не нашел материального нарушения права на жизнь — дело Зубайраева касалось смерти отца заявителя, как утверждалось, от рук военных во время «зачистки» в селе Старые Атаги в сентябре 2000 года. Ситуация с недостатком доказательств была явно критичной. Имелось только одно свидетельское показание матери заявителя, которая утверждала, что виновные говорили по-русски, были вооружены и одеты в камуфляжную форму. Чтобы установить, что убийцы были военнослужащими, и даже чтобы установить, что в это время в селе проходила спецоперация, Суду этого было недостаточно. Дополнительных независимых доказательств (например, из прессы или из отчетов неправительственных организаций) не было. При таких обстоятельствах Суд принял во внимание доводы Правительства о том, что виновными могут быть вооруженные боевики: «Суд признает, что ситуация в Чечне в 2000 году была отмечена нарушениями правопорядка и что деятельность незаконных вооруженных формирований продолжала представлять серьезную угрозу общественной безопасности даже после того, как федеральные власти установили формальный контроль над территорией республики»⁷³.

Наконец, значение имело и то, что семья заявителя до этого не обращалась со своей

версией развития событий в местные следственные органы (показания матери заявителя были представлены только при рассмотрении дела в Европейском Суде). По данному делу большинство в Суде не могло согласиться с тем, чтобы «полностью переложить» бремя доказывания на Правительство⁷⁴. Но даже в деле Зубайраева двое судей, Лукаидес (*Loucaides*) и Шпильманн (*Spielmann*), выразили свое несогласие, будучи в достаточной мере убеждены имеющимися доказательствами для признания того, что имело место материальное нарушение статьи 2, утверждая, что факт наличия только одного свидетельского показания не должен умалять его достоверность. Они также критически высказались в связи с тем, что большинство основывалось на том, что следствие не установило личности преступников, в то время как большинство же признало расследование неэффективным и сделало вывод о нарушении подпункта «а» пункта 1 статьи 38 в связи с нераскрытием Правительством информации.

Систематически неудовлетворительные расследования

Суд чрезвычайно неодобрительно отнесся к небрежности в реагировании следственных органов в Чечне на полностью заслуживающие доверия заявления о внесудебных казнях, похищениях и исчезновениях людей, жестоком обращении. Суд установил, что по многим делам самые важные следственные действия так и не были предприняты, а многие расследования «поражены непонятными задержками»⁷⁵. В некоторых случаях следственные мероприятия были в итоге проведены только после сообщения российскому Правительству о жалобе в Европейский Суд⁷⁶. В данном разделе анализируются разнообразные и многочисленные недостатки, ставшие очевидными при расследовании вопиющих нарушений прав человека в Чечне.

Очевидно, что перед лицом таких серьезных утверждений неизменно требуется быстрое реагирование. Несмотря на тот факт, что в большинстве случаев в отношении опасений заявителей власти незамедлительно ставились в известность⁷⁷, промедление с возбуждением расследования составляло от нескольких дней до более чем четырех лет в

двух делах⁷⁸. Как отметил Суд, задержка даже в несколько дней при расследовании угрожающих жизни ситуаций (таких как похищение) может оказаться критической⁷⁹. Суд неодобрительно высказался в отношении проволок при осмотре мест совершения преступления⁸⁰ (или даже непроведения такого осмотра вообще)⁸¹. Как, например, было сказано в деле Руслана Умарова, «особенно ужасает», что место совершения преступления было осмотрено через четыре и через пять лет после событий, когда такой осмотр был уже явно бесполезен⁸². Следователи подверглись критике за то, что не предприняли никаких шагов для установления мест, в которые были переправлены задержанные, или для установления воинских частей, контролирующих соответствующее место⁸³.

Во многих делах были установлены основные недостатки следствия, такие как:

- непроведение допроса заявителя⁸⁴ или осуществление этого действия с задержкой⁸⁵;
- неустановление свидетелей и непроведение их допроса⁸⁶, или осуществление этих действий с задержкой⁸⁷, или неспособность поставить конкретные, имеющие отношение к делу, вопросы⁸⁸;
- невыявление других жертв и свидетелей нападения⁸⁹, включая тех, которые были указаны и названы заявителями⁹⁰;
- непроведение уголовного расследования или неустановление того, какие следственные действия были предприняты после обнаружения тела⁹¹;
- непроведение соответствующей аутопсии или судебно-медицинской экспертизы⁹² или осуществление этих действий с задержкой⁹³;
- непроведение баллистической экспертизы⁹⁴ или проведение ее с задержкой⁹⁵;
- несоставление карты или плана⁹⁶;
- составление описи вещественных доказательств с задержкой⁹⁷.

Заметной и последовательной чертой расследований являлась неспособность или нежелание следователей или прокуроров привлечь к ответственности государственных органы, особенно вооруженные силы и силы безопасности. Имели место задержки при направлении в адрес государственных органов запросов о предоставлении информации⁹⁸ и направление запросов о предоставлении информации, содержащих в значительной сте-

пени неверные данные⁹⁹. Довольно часто Суд обнаруживал, что не были установлены и допрошены конкретные должностные лица¹⁰⁰, даже при наличии подробных описаний¹⁰¹, или военнослужащие, снятые на видео¹⁰², или военнослужащие на контрольно-пропускных пунктах или блокпостах¹⁰³, или собственники определенных транспортных средств¹⁰⁴.

Следователи неохотно действовали, пытаясь установить, проводилась ли спецоперация в определенном месте, в указанную дату¹⁰⁵, или, в других случаях, определить воинские части, которые могли быть причастны к конкретному происшествию¹⁰⁶ (либо осуществляли эти действия с задержкой)¹⁰⁷. Суд также подверг их критике за то, что они не добивались получения важнейших оперативных документов (таких как планы операций, журналы боевых действий или донесения о выполнении задания)¹⁰⁸ и не отслеживали конкретную информацию¹⁰⁹. Внутрисударственное расследование по делу Исиговой и других, по сути, было успешным в части установления причастности к похищению Апти Исигова и Зелимхана Умханова федеральных воинских подразделений и их командования. В свете этого Суд пришел к выводу, что непредъявление в дальнейшем обвинений свидетельствует о «небрежности следственных органов при проведении расследования и их нежелании осуществлять преследование». К тому же Суд был шокирован тем, что после того, как был установлен командующий подразделением, расследование все равно неоднократно приостанавливалось — якобы из-за невозможности установить преступника или обеспечить участие подозреваемого в производстве по делу¹¹⁰.

По ряду дел существуют доказательства того, что прокуроры имели возможность проверять следственные дела, выявлять упущения и ошибки в том, что было сделано, и давать указания касательно того, какие шаги необходимо предпринять впоследствии. Однако зачастую указания прокуроров либо не выполнялись, либо выполнялись с недопустимым опозданием¹¹¹.

Военные прокуроры, ответственные за расследование преступлений, совершенных военнослужащими в России, также были подвергнуты определенной критике со стороны Суда. Расследование, проведенное по делу Ахмадовой и Садулаевой в связи с похищени-

ем и последующей смертью Шамиля Ахмадова, было охарактеризовано Судом как «дисфункциональное» в отношении попыток установить степень причастности личного состава вооруженных сил или служб безопасности¹¹². По тому же самому делу Суд не выяснил, какие шаги в действительности были предприняты военными прокурорами в целях расследования преступления. Также имели место более чем трехлетние задержки в получении и рассмотрении военных документов. В деле Исаевой, Юсуповой и Базаевой Суд высказал осуждение того, что, несмотря на очень серьезные заявления, подтверждающиеся важными доказательствами, жалобы заявителей были первоначально отклонены военными прокурорами как необоснованные. В деле Исиговой и других Суд был возмущен непредставлением объяснения относительно того, почему для ушедшего в отставку военного, до сих пор проживающего в России, оказалось невозможным участвовать в расследовании.

Другой отличительной чертой расследований в Чечне было недостаточное привлечение семей к процессу расследования. Так, заявителей не признавали потерпевшими¹¹³ или делали это с опозданием от шести месяцев до четырех с половиной лет¹¹⁴ (или же было непонятно, присвоен им статус потерпевших или нет)¹¹⁵. Во многих случаях семьи не ставились в известность о важных событиях в ходе расследования¹¹⁶.

Помимо всех этих очень серьезных ошибок и упущений по отдельным делам, еще большее беспокойство, тем не менее, вызывает обширная критика Суда, указывающая на возмутительную модель сознательного поведения. Простая бюрократическая ошибка или инертность, несомненно, не могут являться причиной повторяющихся приостановлений и возобновлений множества расследований¹¹⁷, длительных периодов бездействия в прокуратурах, когда не рассматривается ни одного дела¹¹⁸, или передачи дела из одной прокуратуры в другую без видимых причин¹¹⁹. В нескольких случаях Суд посчитал целесообразным осудить непроведение единого расследования взаимосвязанных происшествий¹²⁰ или непредставление объяснений по поводу того, почему в отношении взаимосвязанных происшествий проводились отдельные расследования¹²¹. В отношении цепочки связанных дел Суд выразил сожаление

об отсутствии попыток установить полную картину взаимосвязанных событий в конкретном районе в течение определенного периода времени¹²². По делу Исаевой Суд просто сделал вывод о недостаточности попыток найти объяснение серьезным и внушающим доверие утверждениям. Удивительно, что по другим делам Суд был введен в замешательство расследованиями, продолжавшими придерживаться определенной версии событий, несмотря на данные, свидетельствующие об обратном¹²³, или отсутствием попыток разрешить явные противоречия в версиях событий, предложенных властями¹²⁴. По ряду дел Суд сам заговорил о том, что бездействие следователей (особенно в первые несколько дней) как реакция на обоснованные жалобы семей устанавливает «твердую презумпцию по крайней мере молчаливого согласия с ситуацией», также ставящую под сомнение объективность расследования¹²⁵. В деле Мусаева и других Суд пошел еще дальше, открыто осуждая «потрясающую неэффективность» следственных органов в расследовании убийства более чем 50 мирных жителей в Новых Алдах в Грозном в феврале 2000 года, которую Суд также расценил как «молчаливое согласие с ситуацией»¹²⁶.

Таким образом, данная группа постановлений по Чечне уже, вероятно, показала, что систематически имели место примеры, свидетельствующие о явном нежелании проводить своевременное и всестороннее расследование злоупотреблений государственных чиновников в отношении прав человека.

Разрешение дел по статье 3 европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод

Суд одобрил и применил принцип, первоначально сформулированный в делах по Турции, согласно которому близкие родственники «исчезнувшего» человека могут сами оказаться жертвами бесчеловечного обращения (в нарушение ст. 3) в связи с последовавшими горем и душевными страданиями, которые они испытали (и часто продолжают испытывать). Признание того, что нарушение имело место, будет зависеть от природы отношений в конкретном случае и близости семейных связей, от того, в какой степени они сами

были свидетелями произошедшего, и от того, какой была реакция властей. Этот последний фактор, на который Суд делает акцент, является стержнем оценки. По указанным причинам статья 3 была признана нарушенной в 20 из первых 37 дел, связанных с Чечней. В деле Лулуева она была применена ко всем 10 заявителям — детям, мужу, родителям и братьям Нуры Лулуевой, которая считалась пропавшей в течение 10 месяцев до того, как ее тело было обнаружено в массовом захоронении в заброшенном дачном поселке на окраине Грозного в феврале 2001 года.

Хотя указанный принцип обычно не применяется к ситуациям, когда похищенное лицо впоследствии было найдено мертвым, он тем не менее был применен в таком деле, как дело Ахмадовой, в отношении периода времени между исчезновением и датой подтверждения гибели жертвы (в данном случае — более года)¹²⁷.

Было признано, что отсутствие информации увеличивает степень страдания семьи. Так, в деле Хамилы Исаевой положение усугублялось задержками в отношении признания заявительницы потерпевшей, отсутствием доступа к материалам дела и скупостью информации, которую ей сообщили о ходе расследования исчезновения ее мужа¹²⁸.

Казалось бы, что исчезновение отличает от убийства, по которому Суд обычно не применяет статью 3 в отношении родственников, продолжающиеся неопределенность и беспокойство¹²⁹. Тем не менее наличие нарушения статьи 3 было установлено в деле Мусаева и других, в котором первый заявитель оказался свидетелем внесудебной казни нескольких родственников и соседей, прежде чем его самого под угрозой применения оружия заставили лечь на землю.

По ряду дел заявители, которые сами были задержаны властями, не могли привести убедительные для Суда доказательства в поддержку своих утверждений о плохом обращении. Даже при том, что бремя доказывания в отношении вреда, причиненного лицам, находящимся под ответственностью государства, переложено на Правительство, любое промедление в доведении заявителем информации до властей может оказаться критическим. Так, в деле Медова имели место семимесячная задержка подачи заявителем жалобы властям в связи с тем, что он подвергался по-

боям в период содержания под стражей, а также промедление в обращении за медицинской помощью (два представленных им медицинских заключения датированы 10-м и 12-м месяцами после его освобождения). Более того, в трех медицинских заключениях, составленных во время содержания заявителя под стражей в различных следственных изоляторах (Чернокозово, Пятигорск и Ставрополь), не содержалось упоминания о каких-либо ранениях или жалобах заявителя. Таким образом, заявитель юридически не доказал, что повреждения были нанесены ему во время содержания под стражей.

Однако чаще подвергшиеся задержанию заявители утверждали, что по их жалобам на жестокое обращение со стороны властей не было проведено надлежащее разбирательство, что приводило к установлению процедурного нарушения статьи 3¹³⁰. Другой характерной чертой дел об исчезновении является применение физического насилия к членам семьи (иным, нежели насильно уведенное лицо), также приводящее к нарушению статьи 3¹³¹.

Пороговая величина, характеризующая пытку (намеренное жестокое обращение, причиняющее очень серьезные и мучительные страдания), была достигнута в двух случаях, при довольно различных обстоятельствах. В ряде дел об исчезновениях утверждалось, что до гибели или предполагаемой гибели жертвы подвергались жестокому обращению. Подобные доводы, как правило, отклонялись по причине отсутствия каких-либо доказательств. Однако в деле Мусаевой и других было установлено, что на момент задержания Умар Мусаев был здоров. Немаловажно, что в медицинском свидетельстве о смерти указывается на наличие многочисленных повреждений и колотых ран на его теле, в отношении которых Правительство так и не представило объяснений. Суду этого было достаточно для того, чтобы признать, что его пытали. Непредставление Правительством контраргументов в отношении вещественных доказательств также было подвергнуто критике со стороны Суда в деле Читаева и Читаева, касавшемся ареста двух братьев в Ачхой-Мартане сотрудниками временного отдела внутренних дел (ВОВД). По утверждениям братьев, во время содержания в здании Ачхой-Мартановского ВОВД их пытали,

«приковывали наручниками к стулу и избивали; применяли электрошок к различным частям тела, включая кончики пальцев и уши; заставляли в течение долгого времени стоять в позе «растяжка» с широко разведенными в стороны ногами и руками; им выкручивали руки; их избивали резиновыми дубинками и пластиковыми бутылками с водой; их душили при помощи липкой ленты, целлофановых пакетов и противогазов; на них натравливали собак; им вырывали плоскогубцами куски кожи»¹³². Они утверждали, что во время заключения в «следственном изоляторе» в Чернокозове «по пути в комнату для допросов их заставляли бежать, пригнувшись и заложив руки за голову, а охранники при этом били их по спине. В комнате для допросов находились железный стол и стул, в стену был вбит крюк. Допрашивающие, которые во время допроса не вели никаких протоколов, заставляли заявителей подписать признание или просто избивали их. Допрашивающие наносили заявителям удары по разным частям тела, особенно по коленным чашечкам, сапогами, прикладом и деревянным молотком; угрожали, приставив нож к пальцам; надев им на руки брезентовые рукавицы, подвешивали на крюк и избивали; расплющивали пальцы на руках и ногах деревянным молотком и дверью сейфа; связывали руки и ноги за спиной (поза «ласточка»); перекрывали доступ воздуха при помощи клейкой ленты и целлофановых пакетов; применяли электрошок к пальцам»¹³³.

У заявителей была возможность сослаться на медицинские заключения, составленные различными врачами (терапевтом, невропатологом и хирургом) в местной больнице на следующий день после освобождения, свидетельствующие о серьезных повреждениях головы, тела и конечностей, повлекших за собой, помимо прочего, посттравматический стресс. Реакцией Правительства был открытый протест со ссылками на справки, выданные тремя годами позже начальником центра содержания под стражей Чернокозово, в которых утверждалось, что у заявителей при медицинском осмотре по прибытии не было обнаружено повреждений и что в период содержания под стражей они не подвергались плохому обращению. Посчитав, что боль и страдания причинялись братьям намеренно, в целях получения от них признания, Суд пришел к выводу о том, что их пытали.

Возмещение вреда и исполнение постановлений

В стоимостном выражении по 37 постановлениям российскому Правительству было предписано компенсировать материальный ущерб в размере 383 343 евро и моральный вред в размере 2 188 000 евро — всего 2 571 343 евро. Обычно суммы, присуждаемые в качестве возмещения морального вреда, колеблются в пределах от 35 000 евро до 50 000 евро и, конечно, зависят от различных обстоятельств дела, в том числе от природы дела, числа жертв, числа членов семьи, которых все это коснулось. В исключительных случаях цифры были выше. Так, в деле Имакаевой заявительнице, потерявшей сына и мужа, было присуждено 70 000 евро. В деле Азиевых родителям двух пропавших братьев совместно присудили 75 000 евро. Заявителям по делу Битиевой и Х в качестве возмещения морального вреда присудили в целом 85 000 евро в связи с убийством четырех членов их семьи и предшествующим случаем задержания. В связи с убийством семи родственников в Новых Алдах в феврале 2000 года пятерым заявителям по делу Мусаева и других в качестве возмещения морального вреда было присуждено в целом 135 000 евро. По делу Уцаевой и других восьми заявителям было присуждено 165 000 евро в связи с исчезновением их четверых родственников в Новых Атагах в июне 2002 года. Семерым заявителям по делу Эстамирова было совместно присуждено 220 000 евро в связи с гибелью пятерых членов их семьи. Эти суммы нельзя назвать незначительными, и на практике Правительство выполняет постановления Суда и выплачивает суммы, присужденные заявителям.

Помимо вопроса о возмещении ущерба заявители по ряду неразрешенных дел об исчезновениях также добивались в рамках «справедливой компенсации» по статье 41 предписания о проведении властями всестороннего расследования. Их аргументация основывалась на том, что, хотя декларативные средства правовой защиты и могут являться нормой, во всем большем количестве случаев (как в делах о незаконном задержании)¹³⁴ Суд идет дальше и предписывает государству-ответчику принять иные конкретные меры¹³⁵. Так, было заявлено, что в случае, когда Суд установил, что лицо стало жертвой принуди-

тельного «исчезновения», осуществленного представителями государства, только решение Суда о том, что государство-ответчик должно обеспечить проведение эффективного расследования, будет достаточным с точки зрения «справедливой компенсации». Однако подобная аргументация не достигла цели, так как Суд считает, что поскольку эффективность расследования с самого начала была подорвана, «то очень сомнительно, что ситуация, существовавшая до нарушения, может быть восстановлена»¹³⁶. Но это не убедительный ответ. Конечно, справедливо утверждать, что расследование неразрешенных дел об исчезновениях могло бы на самом деле «восстановить» существовавшее положение, только если жертва обнаружена живой и затем освобождена. Однако в тех случаях, когда жертва признается умершей через несколько лет после исчезновения, наибольшим, что можно сделать для «восстановления прав», будет вынесение решения о том, что в действительности случилось и кто несет ответственность, а также обнаружение и возвращение тела жертвы семье. Таким образом, вынесение предписания о необходимости проведения расследования, вероятно, является единственным вариантом, который может привести к «исправлению» нарушения (так как поможет установить и наказать виновных в совершении преступления и обнаружить местонахождение жертвы). Это также соответствовало бы более широкому кругу международно-правовых актов, признающих принудительное «исчезновение» длящимся явлением, связанным, в частности, с отрицанием или непредставлением государством информации о том, что произошло с жертвой¹³⁷.

Если Суд на данный момент не расположен требовать от российских властей расследования неразрешенных дел об исчезновениях, может ли Комитет министров Совета Европы сделать что-то — с учетом его контрольной роли в отношении исполнения постановлений Суда?¹³⁸ Как было отмечено¹³⁹, процесс исполнения постановлений по Чечне характеризуется длительностью, непрозрачностью и, в конечном счете, неэффективностью. Подход российских властей к вопросу об исполнении постановлений по Чечне может быть охарактеризован только как умышленное запутывание. Справедливо будет отметить, что реакцией на первые постановле-

ния Суда по «чеченским» делам было возобновление или повторное возбуждение внутригосударственного расследования. Однако, согласно информации, представленной российским Правительством на заседании Комитета министров Совета Европы в марте 2008 года¹⁴⁰, ни одно из расследований по девяти указанным делам (касающимся как исчезновений, так и внесудебных казней) не привело к предъявлению обвинения: два дела были закрыты (дело Исаевой, Юсуповой и Базаевой и дело Исаевой); пять дел было приостановлено (дела Хашиева и Акаевой, Базоркиной, Имакаевой¹⁴¹, Эстамирова и Лулуева); в отношении дела Читаева и Читаева и расследования похищения сына заявительницы по делу Имакаевой информации представлено не было. Комитет министров Совета Европы продолжает оказывать на Правительство давление по вопросу о предоставлении более конкретной информации о нормативно-правовой базе и мерах, обеспечивающих привлечение сил безопасности к ответственности за злоупотребления, совершенные ими в Чечне¹⁴².

Заключение

Как мы видели, на данный момент при рассмотрении дел, возникших в связи с конфликтом в Чечне, у Европейского Суда по правам человека не возникло проблем с различиями между международным гуманитарным правом и международным правом прав человека. Однако возникли другие трудности, касающиеся, в частности, установления фактов и оценки доказательств, дефицита раскрываемой информации, вопроса о том, насколько допустимо делать выводы на основе косвенных данных. Можно утверждать, что постановления также послужили судебным подтверждением политики правового нигилизма, проводимой внутригосударственными властями в отношении Чечни и ее жителей. Установленное Судом нарушение подпункта «а» пункта 1 статьи 38 в 15 из 37 первых «чеченских» постановлений (на фоне значительного уровня нераскрытия информации по 28 делам) не следует рассматривать как просто дополнительное, техническое нарушение Конвенции, его следует интерпретировать как показатель методичного нежелания сотрудничества с Судом. Гражданское насе-

ление Чечни испытало на себе внесудебные казни, насильственные исчезновения и непризнанные задержания. Не было ни способности, ни готовности серьезно отнестись к юридической обязанности проведения адекватного расследования этих преступлений.

Хотя в 33 из 34 дел, касающихся статьи 2, Суд смог сделать вывод как о материальном, так и о процедурном нарушении Конвенции, в очень многих делах об исчезновениях наиболее важный вопрос так и остался неразрешенным: мы даже не можем узнать, погибли ли жертвы (это предполагается); мы не знаем, как они погибли, когда или где они погибли; мы не знаем также и того, на каких государственных органах и тем более на каких конкретных должностных лицах лежит ответственность. Таким образом, как это было с делами по Турции¹⁴³, группа дел по Чечне вновь привлекла внимание к неадекватности арены по восстановлению в правах, основанной на рассмотрении индивидуальных дел, в рассмотрении крупномасштабных, систематических (или даже системных) нарушений прав человека такой тяжести.

Растущее количество дел по Чечне тем не менее знаменательно, поскольку они обеспечивают возможность восстановления определенной справедливости заявителям и их семьям, с некоторой периодичностью обеспечивают привлечение внимания международного сообщества к данному региону и его властям и устанавливают меру ответственности. В зависимости от исхода текущего диалога между Комитетом министров Совета Европы и российским Правительством они также должны привести непосредственно к изменениям внутригосударственного законодательства, политики или практики.

Филип Лич — профессор права в области прав человека Лондонского Университета Метрополитан.

p.leach@londonmet.ac.uk

Перевод с английского О.Гладченко.

der Art. 52 of the European Convention on Human Rights, SG/Inf (2000) 24, June 26, 2000.

² Запросы на посещение страны находятся в процессе рассмотрения начиная с 2000 года. См.: <http://www2.ohchr.org/english/issues/torture/rapporteur/visits.htm>.

³ Conclusions and Recommendations of the Committee against Torture — Russian Federation, CAT/C/RUS/CO/4, November 2006.

⁴ UNGWEID, Annual Report for 2005, E/CN.4/2006/56, December 27, 2005, para. 452.

⁵ См., например: Human Rights Watch, *The Dirty War in Chechnya: Forced Disappearances, Torture and Summary Executions*, (2001); *Scovazzi T., Citroni G. The Struggle against Enforced Disappearance and the 2007 United Nations Convention*. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff, 2007. P.64; Russian Federation: What Justice for Chechnya's Disappeared? Amnesty International Publications, 2007. AI Index: EUR 46/026/2007.

⁶ Isayeva v. Russia (2005), 41 E.H.R.R. 38 at [180]. (Здесь и далее E.H.R.R. — *European Human Rights Reports* — периодическое издание, сборник решений Европейского Суда по правам человека, публикуемый в Англии и не являющийся официальным источником опубликования решений Суда. — Пер.)

⁷ Isayeva (2005), 41 E.H.R.R. 38 at [191].

⁸ Как было отмечено, например, Комитетом ООН против пыток: Conclusions and Recommendations of the Committee against Torture — Russian Federation, CAT/C/RUS/CO/4, November 2006.

⁹ *Abresch W. A Human Rights Law of Internal Armed Conflict: The European Court of Human Rights in Chechnya* // *European Journal of International Law*. Vol. 16. 2005. No. 4. P.741—767.

¹⁰ Isayeva, Yusupova and Bazayeva v. Russia (2005), 41 E.H.R.R. 39 at [177], [195], [197], [199]; Isayeva (2005), 41 E.H.R.R. 38 at [176], [187], [189]—[191]. См. также: *Ergi v. Turkey* (Application no. 23818/94), Judgment of 28 July 1998.

Подробнее о применении международного гуманитарного права и международного права прав человека см.: *Hampson M., Salama I. Working Paper on the Relationship between Human Rights Law and Humanitarian Law*, Commission on Human Rights, Sub-Commission on the Promotion and Protection of Human Rights, E/CN.4/Sub.2/2005/14, June 21, 2005; *Lubell N. Challenges in Applying Human Rights Law to Armed Conflict* // *International Review of the Red Cross*. Vol. 87. 2005. No. 860. P.737—754; *Droege C. The Interplay between International Humanitarian Law and*

¹ CPT/Inf (2001) 15, July 10, 2001; CPT/Inf (2003) 33, July 10, 2003; CPT/Inf (2007) 17, March 13, 2007. См. также документ Совета Европы: Consolidated report containing an analysis of the correspondence between the Secretary General of the Council of Europe and the Russian Federation un-

- International Human Rights Law in Situations of Armed Conflict // *Israel Law Review*. Vol. 40. 2007. No. 2. P. 310–355. Недавно Билл Бауринг обратил внимание на тот факт, что международное гуманитарное право касается личной ответственности и уголовной ответственности, в то время как международное право прав человека имеет дело с ответственностью государства, что, по его мнению, является «жизненно важным различием» (*Bowring B. The Degradation of the International Legal Order? The Rehabilitation of Law and the Possibility of Politics*. New York: Routledge-Cavendish, 2008. P. 304). См. также: *Dennis M.J. Bulletin: Counter-Terrorism and Human Rights Articles* // *European Human Rights Law Review*. 2008. No. 6. P. 708–714; *McCarthy C. Human Rights and the Laws of War under the American Convention on Human Rights* // *Ibid*. P. 762–780.
- ¹¹ Пять постановлений относились к событиям 2002 и 2003 годов, четыре — к событиям 2001 года и одно — к событиям 1999 года. Европейская Конвенция имеет для России обязательную силу с 5 мая 1998 года.
- ¹² Только два были рассмотрены Пятой секцией: Хамидов против России (жалоба № 72118/01), постановление от 15 ноября 2007 года; Кукаев против России (жалоба № 29361/02), постановление от 15 ноября 2007 года.
- ¹³ Помимо первых трех решений, опубликованных в феврале 2005 года: Isayeva (2005), 41 E.H.R.R. 38; Isayeva, Yusupova and Bazayeva (2005), 41 E.H.R.R. 39; Khashiyev and Akayeva v. Russia (2005), 42 E.H.R.R. 20.
- ¹⁴ Гончарук против России (жалоба № 58643/00), постановление от 4 октября 2007 года; Гойгова против России (жалоба № 74240/01), постановление от 4 октября 2007 года; Khashiyev and Akayeva (2005), 42 E.H.R.R. 20; Махаури против России (жалоба № 58701/00), постановление от 4 октября 2007 года; Медов против России (жалоба № 1573/02), постановление от 8 ноября 2007 года; Тангиева против России (жалоба № 57935/00), постановление от 29 ноября 2007 года. См. также: Human Rights Watch, *Civilian Killings in Staropromyslovskiy District of Grozny* (February 2000).
- ¹⁵ Musayeva and Others v. Russia (2007), 47 E.H.R.R. 25 (три объединенные жалобы). См. также: Human Rights Watch, *February 5: A Day of Slaughter in Novye Aldy* (June 2000) и «Зачистка», Поселок Новые Алды, 5 февраля 2000 года — Преднамеренные преступления против мирного населения. «Мемориал», июль 2000 года.
- ¹⁶ Imakayeva v. Russia (2006), 47 E.H.R.R. 4; Уцаева и другие против России (жалоба № 29133/03), постановление от 29 мая 2008 года.
- ¹⁷ 64 женщины и 38 мужчин.
- ¹⁸ Жалобы касались 55 «жертв» мужского пола и 13 «жертв» женского пола. В семи случаях заявитель сам являлся «жертвой» в целях статьи 34 (4 мужчины и 3 женщины).
- ¹⁹ Битиева и X против России (жалоба № 57953/00 и 37392/03), постановление от 21 июня 2007 года (Германия); Chitayev and Chitayev v. Russia (2007), 47 E.H.R.R. 1 (Германия); Estamirov and Others v. Russia (2006), 46 E.H.R.R. 33 (США); Гойгова (жалоба № 74240/01) (Бельгия); Imakayeva (2006), 47 E.H.R.R. 4 (США); Isayeva, Yusupova and Bazayeva (2005), 41 E.H.R.R. 39 (Германия); Зубайраев против России (жалоба № 67797/01), постановление от 10 января 2008 года (Франция).
- ²⁰ <http://www.srji.org/en/>.
- ²¹ <http://www.londonmet.ac.uk/ehrac>; см. также интернет-сайт ПЦ «Мемориал»/EHRAC в России: <http://ehracmos.memo.ru/>.
- ²² Isayeva (2005), 41 E.H.R.R. 38; Isayeva, Yusupova and Bazayeva (2005), 41 E.H.R.R. 39.
- ²³ Гончарук (жалоба № 58643/00); Махаури (жалоба № 58701/00).
- ²⁴ Зубайраев против России (жалоба № 67797/01), рассматривается далее в настоящей статье.
- ²⁵ См., например: Атабаева и другие против России (жалоба № 26064/04), постановление от 12 июня 2008 года, § 80; Азиевы против России (жалоба № 77626/01), постановление от 20 марта 2008 года, § 70.
- ²⁶ Магомадов и Магомадов против России (жалоба № 68004/01), постановление от 12 июля 2007 года.
- ²⁷ Chitayev and Chitayev (2007), 47 E.H.R.R. 1; Мысаев и другие против России (жалобы № 57941/00, 58699/00 и 60403/00), постановление от 26 июля 2007 года.
- ²⁸ См.: Çiçek v. Turkey (Application no. 25704/94), Judgment of 27 February 2001, § 164; Лулуев и другие против России (жалоба № 69480/01), постановление от 9 ноября 2006 года, § 122.
- ²⁹ См., например: Капланова против России (жалоба № 7653/02), постановление от 29 апреля 2008 года, § 122.
- ³⁰ См., например: Байсаева против России (жалоба № 74237/01), постановление от 5 апреля 2007 года; Хамила Исаева против России (жа-

- лоба № 6846/02), постановление от 15 ноября 2007 года.
- ³¹ Ахиядова против России (жалоба № 32059/02), постановление от 3 июля 2008 года; Ахмадова и Садулаева против России (жалоба № 40464/02), постановление от 10 мая 2007 года; Атабаева и другие (жалоба № 26064/04); Азиевы (жалоба № 77626/01); Исигова и другие против России (жалоба № 6844/02), постановление от 26 июня 2008 года; Капланова (жалоба № 7653/02); Хамила Исаева (жалоба № 6846/02); Лулуев и другие (жалоба № 69480/01); Магомадов и Магомадов (жалоба № 68004/01); Медов (жалоба № 1573/02); Мусаева против России (жалоба № 12703/02), постановление от 3 июля 2008 года; Мусаев и другие (жалобы № 57941/00, 58699/00 и 60403/00); Руслан Умаров против России (жалоба № 12712/02), постановление от 3 июля 2008 года.
- ³² Bazarokina v. Russia (2006), 46 E.H.R.R. 15; Битиева и Х (жалоба № 57953/00 и 37392/03); Медов (жалоба № 1573/02). Центр заключения в Чернокозово подробно охарактеризован в докладе: «Welcome to Hell»: Arbitrary Detention, Torture, and Extortion in Chechnya / Human Rights Watch, 1 October 2000 (<http://www.unhcr.org/refworld/docid/3ae6a8750.html>). КПП обнаружил в Чернокозово «очевидный пример жестокого с физической точки зрения обращения с заключенными» (см. отчет КПП от 4 марта 2000 года и публичный отчет 2001 года).
- ³³ Битиева и Х (жалоба № 57953/00 и 37392/03), § 118.
- ³⁴ Байсаева (жалоба № 74237/01).
- ³⁵ Так у автора. Александр Баранов в то время являлся генерал-полковником, как это указано в решении Суда. — *Пер.*
- ³⁶ Bazarokina (2006), 46 E.H.R.R. 15, § 16. Российское правительство представило в Суд экспертное заключение трех профессоров военной академии, утверждавшее, что ни один из военнослужащих не воспринял бы слова Баранова как приказ в связи с тем, что их нельзя приравнять к формально действительному военному приказу (§ 68).
- ³⁷ См., например: Khashiyev and Akayeva (2005), 42 E.H.R.R. 20, § 183.
- ³⁸ См., например: Member states' duty to co-operate with the European Court of Human Rights, Report of the Committee on Legal Affairs and Human Rights (Parliamentary Assembly of the Council of Europe), Doc. 11183, February 9, 2007, para. 35.
- ³⁹ Битиева и Х (жалоба № 57953/00 и 37392/03) § 63. Меры были назначены в июне 2004 года и сняты в октябре 2005 года.
- ⁴⁰ И напротив, см.: Timishev v. Russia (2007), 44 E.H.R.R. 37 (нарушение ст. 14 совместно со ст. 2 Протокола № 4 в результате ограничения свободы передвижения заявителя в связи с его чеченским происхождением).
- ⁴¹ Исигова и другие (жалоба № 6844/02), § 80.
- ⁴² См.: Хамила Исаева (жалоба № 6846/02), § 93–101. В ряде случаев Правительство представляло копии решений по уголовным или гражданским делам (не относящихся к данному конкретному делу), в которых военнослужащие признавались виновными в совершении преступлений и/или по которым назначалась компенсация за действия должностных лиц в Чечне, Ингушетии или Карачаево-Черкесии. Этого также оказалось недостаточно для того, чтобы доказать Европейскому Суду доступность или эффективность подобных судебных разбирательств (см., например: Кукаев (жалоба № 29361/02), § 66, 75–81).
- ⁴³ Районный суд отметил следующее: согласно статье 1069 Гражданского кодекса государство отвечает за вред, причиненный только незаконными действиями его органов; военная операция в Чечне была санкционирована Указом Президента № 2166 от 30 ноября 1994 года (автором, видимо, допущена ошибка: Указ Президента № 2166 датируется 9 декабря 1994 года, также существует Указ Президента от 30 ноября 1994 года № 2137; оба указа касаются Чеченской Республики. — *Пер.*) и Постановлением Правительства № 1360 от 9 декабря 1994 года; эти нормативные акты 31 июля 1995 года Конституционным Судом РФ были признаны конституционными (за исключением двух положений правительственного постановления, неприемлемых, как было установлено, к заявителям).
- ⁴⁴ Решение было поддержано в апреле 2003 года Верховным Судом Республики Ингушетия, а компенсация на самом деле была выплачена государством в декабре 2004 года.
- ⁴⁵ Khashiyev and Akayeva (2005), 42 E.H.R.R. 20 at [120]–[122].
- ⁴⁶ Гончарук (жалоба № 58643/00), § 55–59.
- ⁴⁷ См., например: Бетаев и Бетаева против России (жалоба № 37315/03), постановление от 29 мая 2008 года.
- ⁴⁸ Сангариева и другие против России (жалоба № 1839/04), постановление от 29 мая 2008 года, § 84.

- ⁴⁹ В соответствии с Законом РФ от 27 апреля 1993 года № 4866-1 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» (в редакции Федерального закона от 14 декабря 1995 года) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 19. Ст. 685.
- ⁵⁰ В деле Хамидов против России (жалоба № 72118/01) Правительство не оспаривало тот факт, что суды в Чечне не функционировали с октября 1999 года и до января 2001 года (§ 154).
- ⁵¹ См.: Медов (жалоба № 1573/02), § 103. Суд установил, что в российской правовой системе полномочия суда по отмене решения об отказе в возбуждении уголовного дела являются «достаточной гарантией от произвола следственных органов» (Там же. § 102; см. также: Трубников против России (жалоба № 49790/99), 14 октября 2003 года). Такому действию можно противопоставить простую жалобу в адрес вышестоящего прокурора, которая не рассматривается в качестве эффективного средства правовой защиты в связи с тем, что она является доступной заявителю не в силу неотъемлемого личного права: Медов (жалоба № 1573/02), § 101.
- ⁵² Азиевы (жалоба № 77626/01); Бетаев и Бетаева (жалоба № 37315/03); Элмурзаев против России (жалоба № 3019/04), постановление от 12 июня 2008 года; Гехаева и другие против России (жалоба № 1755/04), постановление от 29 мая 2008 года; Ибрагимов и другие против России (жалоба № 34561/03), постановление от 29 мая 2008 года; Мусаева (жалоба № 12703/02); Руслан Умаров (жалоба № 12712/02).
- ⁵³ Другие примеры: по делу Кукаев против России (жалоба № 29361/02) было раскрыто только 74 страницы из по крайней мере 235 страниц материалов дела; по делу Зубайраев против России (жалоба № 67797/01) было предоставлено 52 страницы (34 документа) из более чем 300 страниц.
- ⁵⁴ См.: Руслан Умаров (жалоба № 12712/02).
- ⁵⁵ См., например: Алихаджиева против России (жалоба № 68007/01), постановление от 5 июля 2007 года; Itakayeva (2006), 47 E.H.R.R. 4; Мусаев и другие (жалобы № 57941/00, 58699/00 и 60403/00) (свидетельские показания раскрыты не полностью); Тангиева (жалоба № 57935/00).
- ⁵⁶ Закон РФ от 21 июля 1993 года № 5485-1 «О государственной тайне» // Собрании законодательства Российской Федерации. 1997. № 41. Ст. 4673.
- ⁵⁷ Khashiyev and Akayeva (2005), 42 E.H.R.R. 20 at [138].
- ⁵⁸ См.: Алихаджиева (жалоба № 68007/01); Капланова (жалоба № 7653/02); Мусаев и другие (жалобы № 57941/00, 58699/00 и 60403/00); Мусаева (жалоба № 12703/02); Musayeva and Others (2007), 47 E.H.R.R. 25; Тангиева (жалоба № 57935/00); Руслан Умаров (жалоба № 12712/02).
- ⁵⁹ См.: Ахмадова и Садулаева (жалоба № 40464/02), § 97. Вне «чеченского» контекста см.: Михеев против России (жалоба № 77617/01), постановление от 26 января 2006 года, § 103–104.
- ⁶⁰ Например, в деле Магомадов и Магомадов против России (жалоба № 68004/01) были раскрыты все материалы дела (более 700 страниц).
- ⁶¹ Пункт 2 правила 33 предусматривает следующее: «Прессе или публике может быть ограничен доступ к документу или его части по соображениям морали, общественного порядка или государственной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или — в той мере, в какой это, по мнению Председателя [Палаты], строго необходимо — при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия».
- ⁶² Solvang O. Russia and the European Court of Human Rights: The Price of Non-Cooperation // Human Rights Brief. 2008. Vol. 15. No. 2. P. 14–17.
- ⁶³ См., например: Мусаева (жалоба № 12703/02), § 100.
- ⁶⁴ Лулуев и другие (жалоба № 69480/01), § 93. См. также: Битиева и X (жалоба № 57953/00 и 37392/03), § 146.
- ⁶⁵ Bazorkina (2006), 46 E.H.R.R. 15, § 172.
- ⁶⁶ Битиева и X (жалоба № 57953/00 и 37392/03), § 131.
- ⁶⁷ Isayeva, Yusupova and Bazayeva (2005), 41 E.H.R.R. 39, § 175.
- ⁶⁸ См., например: *Avşar v. Turkey* (Application no. 25657/94), Judgment of 10 July 2001, § 391.
- ⁶⁹ *Akkum and Others v. Turkey* (Application no. 21894/93), Judgment of 24 June 2005 at [214].
- ⁷⁰ Интересно, какую роль в данном случае сыграл опыт Суда в деле Шамаев против Грузии и России (жалоба № 36378/02), постановление от 12 апреля 2005 года, связанном с выдачей Грузией России заявителей-чеченцев. В этом деле планы Суда на проведение в России миссии по

- установлению фактов были отменены, несмотря на злоупотребления со стороны российского Правительства (см. § 26–49).
- ⁷¹ Itakayeva (2006), 47 E.H.R.R. 4, § 117–119.
- ⁷² Ахмадова и Садулаева (жалоба № 40464/02), § 91. См. также, например: Musayeva and Others (2007), 47 E.H.R.R. 25, § 80.
- ⁷³ Зубайраев (жалоба № 67797/01), § 83.
- ⁷⁴ Там же. § 85.
- ⁷⁵ См.: Bazorkina (2006), 46 E.H.R.R. 15, § 121.
- ⁷⁶ См., например: Ибрагимов и другие (жалоба № 34561/03).
- ⁷⁷ См., например: Ахмадова и Садулаева (жалоба № 40464/02); Алихаджиева (жалоба № 68007/01); Байсаева (жалоба № 74237/01); Бетаев и Бетаева (жалоба № 37315/03); Элмурзаев (жалоба № 3019/04); Гехаева и другие (жалоба № 1755/04); Ибрагимов и другие (жалоба № 34561/03); Исигова и другие (жалоба № 6844/02); Лулуев и другие (жалоба № 69480/01); Магомадов и Магомадов (жалоба № 68004/01); Musayeva and Others (2007), 47 E.H.R.R. 25; Сангариева и другие (жалоба № 1839/04); Руслан Умаров (жалоба № 12712/02); Уцаева и другие (жалоба № 29133/03).
- ⁷⁸ Бетаев и Бетаева (жалоба № 37315/03) (5 дней); Исигова и другие (жалоба № 6844/02) (5 дней); Ахмадова и Садулаева (жалоба № 40464/02) (11 дней); Элмурзаев (жалоба № 3019/04) (16 и 20 дней соответственно); Лулуев и другие (жалоба № 69480/01) (20 дней); Сангариева и другие (жалоба № 1839/04) (20 дней); Гехаева и другие (жалоба № 1755/04) (22 дня); Ибрагимов и другие (жалоба № 34561/03); (30 дней); Мусаев и другие (жалобы № 57941/00, 58699/00 и 60403/00) (1 месяц); Капланова (жалоба № 7653/02) (1 месяц); Estamirov and Others (2006), 46 E.H.R.R. 33 (более месяца); Мусаева (жалоба № 12703/02) (несколько месяцев); Магомадов и Магомадов (жалоба № 68004/01) (более 2 месяцев); Алихаджиева (жалоба № 68007/01) (более 2 месяцев); Байсаева (жалоба № 74237/01) (более 2 месяцев); Musayeva and Others (2007), 47 E.H.R.R. 25 (более 2 месяцев); Khashiyev and Akayeva (2005), 42 E.H.R.R. 20 (3 месяца); Махаури (жалоба № 58701/00) (3 месяца); Ахиядова (жалоба № 32059/02) (4 месяца); Isayeva, Yusupova and Bazayeva (2005), 41 E.H.R.R. 39 (по крайней мере 6 месяцев); Атабаева и другие (жалоба № 26064/04) (почти 7 месяцев); Isayeva (2005), 41 E.H.R.R. 38 (по крайней мере 7 месяцев); Bazorkina (2006), 46 E.H.R.R. 15 (1 год 5 месяцев); Гончарук (жалоба № 58643/00) (более 4 лет); Кукаев (жалоба № 29361/02) (4 года 8 месяцев).
- ⁷⁹ См., например: Бетаев и Бетаева (жалоба № 37315/03), § 85.
- ⁸⁰ Ахиядова (жалоба № 32059/02) (3 года); Ахмадова и Садулаева (жалоба № 40464/02) (3 года); Атабаева и другие (жалоба № 26064/04) (более чем через 3 года); Estamirov and Others (2006), 46 E.H.R.R. 33 (дополнительный осмотр места происшествия более чем через 3 года); Тангиева (жалоба № 57935/00) (более чем 4 года); Руслан Умаров (жалоба № 12712/02) (4 года и 5 лет).
- ⁸¹ Chitayev and Chitayev (2007), 47 E.H.R.R. 1; Musayeva and Others (2007), 47 E.H.R.R. 25.
- ⁸² Руслан Умаров (жалоба № 12712/02), § 104.
- ⁸³ Алихаджиева (жалоба № 68007/01); Руслан Умаров (жалоба № 12712/02).
- ⁸⁴ Estamirov and Others (2006), 46 E.H.R.R. 33.
- ⁸⁵ Isayeva, Yusupova and Bazayeva (2005), 41 E.H.R.R. 39.
- ⁸⁶ Гончарук (жалоба № 58643/00); Хамила Исаева (жалоба № 6846/02); Махаури (жалоба № 58701/00).
- ⁸⁷ Магомадов и Магомадов (жалоба № 68004/01) (мать заявителя — 3 месяца; глава местной администрации — 20 месяцев; военнослужащие — более 2 лет); Алихаджиева (жалоба № 68007/01) (заявитель и члены семьи — более 9 месяцев; другие задержанные — 5 месяцев и 9 месяцев); Элмурзаев (жалоба № 3019/04) (в течение первых 6 месяцев); Мусаев и другие (жалобы № 57941/00, 58699/00 и 60403/00) (сотрудники ОМОН — 8 и 9 месяцев); Руслан Умаров (жалоба № 12712/02) (другой задержанный — почти 1 год; представитель военного командования — более года; жена заявителя — 1 год; соседи заявителя — 5 лет); Гехаева и другие (жалоба № 1755/04) (более года потребовалось для того, чтобы допросить главу администрации села); Мусаева (жалоба № 12703/02) (заявительница и ее соседи — более года; другие очевидцы — от 3 до 4 лет); Bazorkina (2006), 46 E.H.R.R. 15 (заявитель — 1 год 11 месяцев; военные офицеры и другие очевидцы — 5,5 лет; другие задержанные — 4 года 2 месяца и 5 лет 7 месяцев; сотрудники Министерства юстиции — 5 лет 8 месяцев); Ахиядова (жалоба № 32059/02) (3 года); Ахмадова и Садулаева (жалоба № 40464/02) (3 года); Атабаева и другие (жалоба № 26064/04) (более 3 лет); Estamirov and Others (2006), 46 E.H.R.R. 33 (более 3 лет); Бетаев и Бетаева (жалоба № 37315/03)

- (военнослужащие — 3 года 2 месяца); Ибрагимов и другие (жалоба № 34561/03) (очевидцы — более 3,5 лет); Тангиева (жалоба № 57935/00) (более 4 лет); Зубайраев (жалоба № 67797/01) (очевидцы, милиционеры и местные должностные лица — более 4 лет); Уцаева и другие (жалоба № 29133/03) (командующий районом — 4,5 лет); Байсаева (жалоба № 74237/01) (заявитель — 3 месяца; местные жители — 4 года; военнослужащие — 5 лет 3 месяца и 5 лет 9 месяцев); Азиевы (жалоба № 77626/01) (от 5 до 6 лет).
- ⁸⁸ Isayeva (2005), 41 E.H.R.R. 38.
- ⁸⁹ Isayeva (2005), 41 E.H.R.R. 38; Isayeva, Yusupova and Bazayeva (2005), 41 E.H.R.R. 39; Khashiyev and Akayeva (2005), 42 E.H.R.R. 20; Мусаев и другие (жалобы № 57941/00, 58699/00 и 60403/00).
- ⁹⁰ Khashiyev and Akayeva (2005), 42 E.H.R.R. 20.
- ⁹¹ Musayeva and Others (2007), 47 E.H.R.R. 25; Лулуев и другие (жалоба № 69480/01).
- ⁹² Chitayev and Chitayev (2007), 47 E.H.R.R. 1; Estamirov and Others (2006), 46 E.H.R.R. 33; Khashiyev and Akayeva (2005), 42 E.H.R.R. 20; Кукаев (жалоба № 29361/02); Musayeva and Others (2007), 47 E.H.R.R. 25; Тангиева (жалоба № 57935/00); Зубайраев (жалоба № 67797/01).
- ⁹³ Ахмадова и Садулаева (жалоба № 40464/02).
- ⁹⁴ Махаури (жалоба № 58701/00).
- ⁹⁵ Тангиева (жалоба № 57935/00) (более 4 лет); Зубайраев (жалоба № 67797/01) (более 4 лет).
- ⁹⁶ Гончарук (жалоба № 58643/00); Махаури (жалоба № 58701/00).
- ⁹⁷ Зубайраев (жалоба № 67797/01) (более 4 лет).
- ⁹⁸ Атабаева и другие (жалоба № 26064/04) (более 2 лет); Азиевы (жалоба № 77626/01) (более 4,5 лет); Элмурзаев (жалоба № 3019/04) (в течение первых 6 месяцев).
- ⁹⁹ Estamirov and Others (2006), 46 E.H.R.R. 33 (запросы о предоставлении информации в целях установления причастных воинских частей содержали неверное указание на дату убийства родственников заявителя).
- ¹⁰⁰ Ахмадова и Садулаева (жалоба № 40464/02); Алихаджиева (жалоба № 68007/01); Азиевы (жалоба № 77626/01); Bazorkina (2006), 46 E.H.R.R. 15; Chitayev and Chitayev (2007), 47 E.H.R.R. 1; Хамила Исаева (жалоба № 6846/02); Махаури (жалоба № 58701/00); Мусаев и другие (жалобы № 57941/00, 58699/00 и 60403/00); Мусаева (жалоба № 12703/02); Musayeva and Others (2007), 47 E.H.R.R. 25; Сангариева и другие (жалоба № 1839/04).
- ¹⁰¹ Махаури (жалоба № 58701/00).
- ¹⁰² Байсаева (жалоба № 74237/01).
- ¹⁰³ Бетаев и Бетаева (жалоба № 37315/03); Isayeva (2005), 41 E.H.R.R. 38; Isayeva, Yusupova and Bazayeva (2005), 41 E.H.R.R. 39; Сангариева и другие (жалоба № 1839/04).
- ¹⁰⁴ Элмурзаев (жалоба № 3019/04); Лулуев и другие (жалоба № 69480/01).
- ¹⁰⁵ Мусаева (жалоба № 12703/02).
- ¹⁰⁶ Алихаджиева (жалоба № 68007/01); Гончарук (жалоба № 58643/00); Гойгова (жалоба № 74240/01); Хамила Исаева (жалоба № 6846/02); Khashiyev and Akayeva (2005), 42 E.H.R.R. 20; Кукаев (жалоба № 29361/02); Руслан Умаров (жалоба № 12712/02).
- ¹⁰⁷ Estamirov and Others (2006), 46 E.H.R.R. 33 (более 3 лет); Тангиева (жалоба № 57935/00) (более 4 лет).
- ¹⁰⁸ Isayeva, Yusupova and Bazayeva (2005), 41 E.H.R.R. 39; Khashiyev and Akayeva (2005), 42 E.H.R.R. 20; Мусаев и другие (жалобы № 57941/00, 58699/00 и 60403/00).
- ¹⁰⁹ Bazorkina (2006), 46 E.H.R.R. 15; Гехаева и другие (жалоба № 1755/04); Isayeva, Yusupova and Bazayeva (2005), 41 E.H.R.R. 39; Уцаева и другие (жалоба № 29133/03).
- ¹¹⁰ Исигова и другие (жалоба № 6844/02), § 109.
- ¹¹¹ Bazorkina (2006), 46 E.H.R.R. 15; Estamirov and Others (2006), 46 E.H.R.R. 33; Гойгова (жалоба № 74240/01); Khashiyev and Akayeva (2005), 42 E.H.R.R. 20; Лулуев и другие (жалоба № 69480/01); Магомадов и Магомадов (жалоба № 68004/01); Махаури (жалоба № 58701/00); Мусаев и другие (жалобы № 57941/00, 58699/00 и 60403/00); Сангариева и другие (жалоба № 1839/04); Руслан Умаров (жалоба № 12712/02); Тангиева (жалоба № 57935/00); Уцаева и другие (жалоба № 29133/03); Зубайраев (жалоба № 67797/01).
- ¹¹² Ахмадова и Садулаева (жалоба № 40464/02), § 102.
- ¹¹³ Ахмадова и Садулаева (жалоба № 40464/02); Estamirov and Others (2006), 46 E.H.R.R. 33; Isayeva, Yusupova and Bazayeva (2005), 41 E.H.R.R. 39.
- ¹¹⁴ Лулуев и другие (жалоба № 69480/01) (6 месяцев); Алихаджиева (жалоба № 68007/01) (более чем 9 месяцев); Капланова (жалоба № 7653/02) (более чем год после возбуждения расследования); Мусаева (жалоба № 12703/02) (более 1 года и более 3 лет); Магомадов и Магомадов (жалоба № 68004/01) (18 месяцев); Imakayeva (2006), 47 E.H.R.R. 4 (более

- чем 1,5 года); Ахиядова (жалоба № 32059/02) (20 месяцев); Musayeva and Others (2007), 47 E.H.R.R. 25 (22 месяца); Атабаева и другие (жалоба № 26064/04) (более чем 3 года); Азиевы (жалоба № 77626/01) (более чем 3 года); Гойгова (жалоба № 74240/01) (более чем 3 года и более чем 4 года); Зубайраев (жалоба № 67797/01) (более чем 4 года); Тангиева (жалоба № 57935/00) (4 года); Махаури (жалоба № 58701/00) (4,5 года); Уцаева и другие (жалоба № 29133/03).
- ¹¹⁵ Хамила Исаева (жалоба № 6846/02); Кукаев (жалоба № 29361/02).
- ¹¹⁶ Ахиядова (жалоба № 32059/02); Ахмадова и Садулаева (жалоба № 40464/02); Алихаджиева (жалоба № 68007/01); Атабаева и другие (жалоба № 26064/04); Азиевы (жалоба № 77626/01); Бетаев и Бетаева (жалоба № 37315/03); Элмурзаев (жалоба № 3019/04); Estamirov and Others (2006), 46 E.H.R.R. 33; Гехаева и другие (жалоба № 1755/04); Ибрагимов и другие (жалоба № 34561/03); Исигова и другие (жалоба № 6844/02); Гойгова (жалоба № 74240/01); Капланова (жалоба № 7653/02); Хамила Исаева (жалоба № 6846/02); Khashiyev and Akayeva (2005), 42 E.H.R.R. 20; Кукаев (жалоба № 29361/02); Магомадов и Магомадов (жалоба № 68004/01); Лулуев и другие (жалоба № 69480/01); Махаури (жалоба № 58701/00); Мусаев и другие (жалобы № 57941/00, 58699/00 и 60403/00); Мусаева (жалоба № 12703/02); Musayeva and Others (2007), 47 E.H.R.R. 25; Сангариева и другие (жалоба № 1839/04); Тангиева (жалоба № 57935/00); Руслан Умаров (жалоба № 12712/02); Уцаева и другие (жалоба № 29133/03); Зубайраев (жалоба № 67797/01).
- ¹¹⁷ Элмурзаев (жалоба № 3019/04) (3 раза); Бетаев и Бетаева (жалоба № 37315/03) (4 раза за 6 месяцев); Хамила Исаева (жалоба № 6846/02) (по крайней мере 4 раза за 6 лет); Bazorkina (2006), 46 E.H.R.R. 15 (6 раз за 4,5 года); Кукаев (жалоба № 29361/02) (по крайней мере 6 раз за 6 лет); Тангиева (жалоба № 57935/00) (7 раз за 2 года 4 месяца); Khashiyev and Akayeva (2005), 42 E.H.R.R. 20 (8 раз за 2 года 9 месяцев); Ахмадова и Садулаева (жалоба № 40464/02) (по крайней мере 6 раз за более чем 5,5 лет); Musayeva and Others (2007), 47 E.H.R.R. 25 (по крайней мере 7 раз за чуть меньше чем 6 лет); Магомадов и Магомадов (жалоба № 68004/01) (по крайней мере 8 раз за 5 лет); Лулуев и другие (жалоба № 69480/01) (8 раз за 5,5 лет); Азиевы (жалоба № 77626/01) (8 раз за чуть больше чем 6 лет); Капланова (жалоба № 7653/02) (по крайней мере 8 раз за 2,5 года); Мусаев и другие (жалобы № 57941/00, 58699/00 и 60403/00) (10 раз за 6 лет); Алихаджиева (жалоба № 68007/01) (по крайней мере 11 раз за менее чем 4 года); Байсаева (жалоба № 74237/01) (по крайней мере 12 раз за 6 лет); Estamirov and Others (2006), 46 E.H.R.R. 33 (несколько раз); Гехаева и другие (жалоба № 1755/04) (много раз); Исигова и другие (жалоба № 6844/02); Мусаева (жалоба № 12703/02) (многократно на протяжении почти 8 лет); Сангариева и другие (жалоба № 1839/04) (по многим основаниям); Руслан Умаров (жалоба № 12712/02) (по 18 основаниям); Зубайраев (жалоба № 67797/01) (много раз).
- ¹¹⁸ Элмурзаев (жалоба № 3019/04); Гехаева и другие (жалоба № 1755/04); Ибрагимов и другие (жалоба № 34561/03); Кукаев (жалоба № 29361/02); Musayeva and Others (2007), 47 E.H.R.R. 25; Сангариева и другие (жалоба № 1839/04).
- ¹¹⁹ Khashiyev and Akayeva (2005), 42 E.H.R.R. 20 (по крайней мере в четырех случаях); Ахмадова и Садулаева (жалоба № 40464/02) (по крайней мере в пяти случаях).
- ¹²⁰ Магомадов и Магомадов (жалоба № 68004/01); Махаури (жалоба № 58701/00); Уцаева и другие (жалоба № 29133/03) (объединение связанных производств с задержкой около 3 лет).
- ¹²¹ Ахмадова и Садулаева (жалоба № 40464/02).
- ¹²² Гончарук (жалоба № 58643/00); Гойгова (жалоба № 74240/01); Khashiyev and Akayeva (2005), 42 E.H.R.R. 20; Махаури (жалоба № 58701/00); Мусаев и другие (жалобы № 57941/00, 58699/00 и 60403/00).
- ¹²³ Bazorkina (2006), 46 E.H.R.R. 15.
- ¹²⁴ Магомадов и Магомадов (жалоба № 68004/01); Махаури (жалоба № 58701/00).
- ¹²⁵ Ахмадова и Садулаева (жалоба № 40464/02), § 106; Алихаджиева (жалоба № 68007/01), § 61; Азиевы (жалоба № 77626/01), § 78; Байсаева (жалоба № 74237/01), § 119; Imakayeva (2006), 47 E.H.R.R. 4, § 155; Магомадов и Магомадов (жалоба № 68004/01), § 98; Уцаева и другие (жалоба № 29133/03), § 164.
- ¹²⁶ Мусаев и другие (жалобы № 57941/00, 58699/00 и 60403/00), § 164.
- ¹²⁷ Ахмадова и Садулаева (жалоба № 40464/02), § 109–110.
- ¹²⁸ Хамила Исаева (жалоба № 6846/02), § 132, 144.

- ¹²⁹ См., например: Isayeva (2005), 41 E.H.R.R. 38; Yasin Ateş v. Turkey (Application no. 30949/96), Judgment of 31 May 2005.
- ¹³⁰ Медов (жалоба № 1573/02).
- ¹³¹ См.: Руслан Умаров (жалоба № 12712/02); Уцаева и другие (жалоба № 29133/03).
- ¹³² Chitayev and Chitayev (2007), 47 E.H.R.R. 1, § 19.
- ¹³³ Ibid. § 27.
- ¹³⁴ См.: Assanidze v. Georgia (Application no. 71503/01), Judgment of 8 April 2004; Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia (Application no. 48787/99), Judgment of 8 July 2004.
- ¹³⁵ Что касается других примеров, см.: Brumarescu v. Romania (Application no. 28342/95), Judgment of 23 January 2001 (возврат национализированной собственности); L v. Lithuania (Application no. 27527/03), Judgment of 11 September 2007 (принятие закона, разрешающего операции по изменению пола); Hasan & Eylem Zengin v. Turkey (Application no. 1448/04), Judgment of 9 October 2007 (приведение законодательства о религиозном образовании в соответствие с Конвенцией). См. также: Loucaides L. Reparations for Violations of Human Rights under the European Convention and Restitution in Integrum // European Human Rights Law Review. 2008. No. 2. P. 182–192.
- ¹³⁶ Мусаева (жалоба № 12703/02), § 166. См. также: Капланова (жалоба № 7653/02).
- ¹³⁷ См., например: Quinteros v. Uruguay, Comm. No. 107/1981, July 21, 1983; ст. 17.1 Декларации 1992 года; UNWGEID General Comment, E/CN4/2001/68, Annex III, December 18, 2000; Velasquez Rodriguez v. Honduras, Judgment of July 29, 1988 at [140]; Blake v. Guatemala, Judgment of January 24, 1998; ст. 8 Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений.
- ¹³⁸ Пункт 2 статьи 46 Конвенции.
- ¹³⁹ См.: Leach P. Strasbourg's Oversight of Russia an Increasingly Strained Relationship // Public Law. 2007. P. 640–654.
- ¹⁴⁰ Информация была представлена в устной форме и отражена в: CM/Del/OJ/DH(2008)1020 Section 4.3 PUBLIC 8, April 2008.
- ¹⁴¹ 12 октября 2007 года решение о приостановлении было отменено и расследование было возобновлено.
- ¹⁴² Actions of the security forces in the Chechen Republic of the Russian Federation: general measures to comply with the judgments of the European Court of Human Rights, CM/Inf/DH(2008) 33, September 11, 2008 (declassified on September 18, 2008). См. также: Implementation of judgments of the European Court of Human Rights – Introductory memorandum (Rapporteur: Mr Christos Pourgourides), Committee on Legal Affairs and Human Rights, PACE, AS/Jur (2008)24, May 26, 2008 (declassified June 2, 2008).
- ¹⁴³ См.: Reidy A., Hampson F., Boyle K. Gross Violations of Human Rights: Invoking the European Convention on Human Rights in the Case of Turkey // Netherlands Quarterly of Human Rights. Vol. 15. 1997. No. 2. P. 161–173.

Приложение

Азиевы против России

(жалоба № 77626/01),
постановление от 20 марта 2008 года.

Алихаджиева против России

(жалоба № 68007/01),
постановление от 5 июля 2007 года.

Атабаева и другие против России

(жалоба № 26064/04),
постановление от 12 июня 2008 года.

Ахиядова против России

(жалоба № 32059/02),
постановление от 3 июля 2008 года.

Ахмадова и Садулаева против России

(жалоба № 40464/02),
постановление от 10 мая 2007 года.

Bazorkina v. Russia

(Базоркина против России)
(2006), 46 E.H.R.R. 15.

Байсаева против России

(жалоба № 74237/01),
постановление от 5 апреля 2007 года.

Бетаев и Бетаева против России

(жалоба № 37315/03),
постановление от 29 мая 2008 года.

Битиева и Х против России

(жалоба № 57953/00 и 37392/03),
постановление от 21 июня 2007 года.

Гехаева и другие против России

(жалоба № 1755/04),
постановление от 29 мая 2008 года.

Гойгова против России

(жалоба № 74240/01),
постановление от 4 октября 2007 года.

Гончарук против России
(жалоба № 58643/00),
постановление от 4 октября 2007 года.

Зубайраев против России
(жалоба № 67797/01),
постановление от 10 января 2008 года.

Ибрагимов и другие против России
(жалоба № 34561/03),
постановление от 29 мая 2008 года.

Itakayeva v. Russia
(*Имакаева против России*)
(2006), 47 E.H.R.R. 4.

Isayeva v. Russia
(*Исаева против России*)
(2005), 41 E.H.R.R. 38.

Isayeva, Yusupova and Bazayeva v. Russia
(*Исаева, Юсупова и Базаева против России*)
(2005), 41 E.H.R.R. 39.

Исигова и другие против России
(жалоба № 6844/02),
постановление от 26 июня 2008 года.

Капланова против России
(жалоба № 7653/02),
постановление от 29 апреля 2008 года.

Кукаев против России
(жалоба № 29361/02),
постановление от 15 ноября 2007 года.

Лулуев и другие против России
(жалоба № 69480/01),
постановление от 9 ноября 2006 года.

Магомадов и Магомадов против России
(жалоба № 68004/01),
постановление от 12 июля 2007 года.

Махаури против России
(жалоба № 58701/00),
постановление от 4 октября 2007 года.

Медов против России
(жалоба № 1573/02),
постановление от 8 ноября 2007 года.

Мусаев и другие против России
(жалобы № 57941/00, 58699/00, 60403/00),
постановление от 26 июля 2007 года.

Мусаева против России
(жалоба № 12703/02),
постановление от 3 июля 2008 года.

Musayeva and Others v. Russia
(*Мусаева и другие против России*)
(2007), 47 E.H.R.R. 25.

Сангариева и другие против России
(жалоба № 1839/04),
постановление от 29 мая 2008 года.

Тангиева против России
(жалоба № 57935/00),
постановление от 29 ноября 2007 года.

Руслан Умаров против России
(жалоба № 12712/02),
постановление от 3 июля 2008 года.

Уцаева и другие против России
(жалоба № 29133/03),
постановление от 29 мая 2008 года.

Хамидов против России
(жалоба № 72118/01),
постановление от 15 ноября 2007 года.

Хамила Исаева против России
(жалоба № 6846/02),
постановление от 15 ноября 2007 года.

Khashiyev and Akayeva v. Russia
(*Хашиев и Акаева против России*)
(2005), 42 E.H.R.R. 20.

Chitayev and Chitayev v. Russia
(*Читаев и Читаев против России*)
(2007), 47 E.H.R.R. 1.

Элмурзаев против России
(жалоба № 3019/04),
постановление от 12 июня 2008 года.

Estamirov and Others v. Russia
(*Эстамиров и другие против России*)
(2006), 46 E.H.R.R. 33.